

ПРОЕКТ БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС АЙСБЕРГ

Джеймс Роллинс

Айсберг

«ЭКСМО»

2003

Роллинс Д.

Айсберг / Д. Роллинс — «Эксмо», 2003

ISBN 978-5-699-50664-4

Ледовая станция «Грендель», заключенная в гигантский айсберг, дрейфующий неподалеку от берегов Аляски, остается в заброшенном состоянии вот уже более семидесяти лет. Извращенное детище изошреннейших умов, эта станция была создана неприступной и невидимой для взора. Она упорно хранит свои мрачные тайны. Но однажды слишком близко от нее случайно проплывает американская научно-исследовательская подлодка, и ее приборы фиксируют в глубине ледяной глыбы какое-то движение. Неужели вопреки всем законам природы внутри существует жизнь? Ученые приступают к исследованиям. Они и не подозревают, что создатели станции уже послали к айсбергу команду уничтожения, которую возглавляет фанатик, преследующий собственные цели – отомстить всему человечеству за гибель своего отца. Еще один бестселлер от автора романов «Пирамида», «Амазония» и «Черный орден».

ISBN 978-5-699-50664-4

© Роллинс Д., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

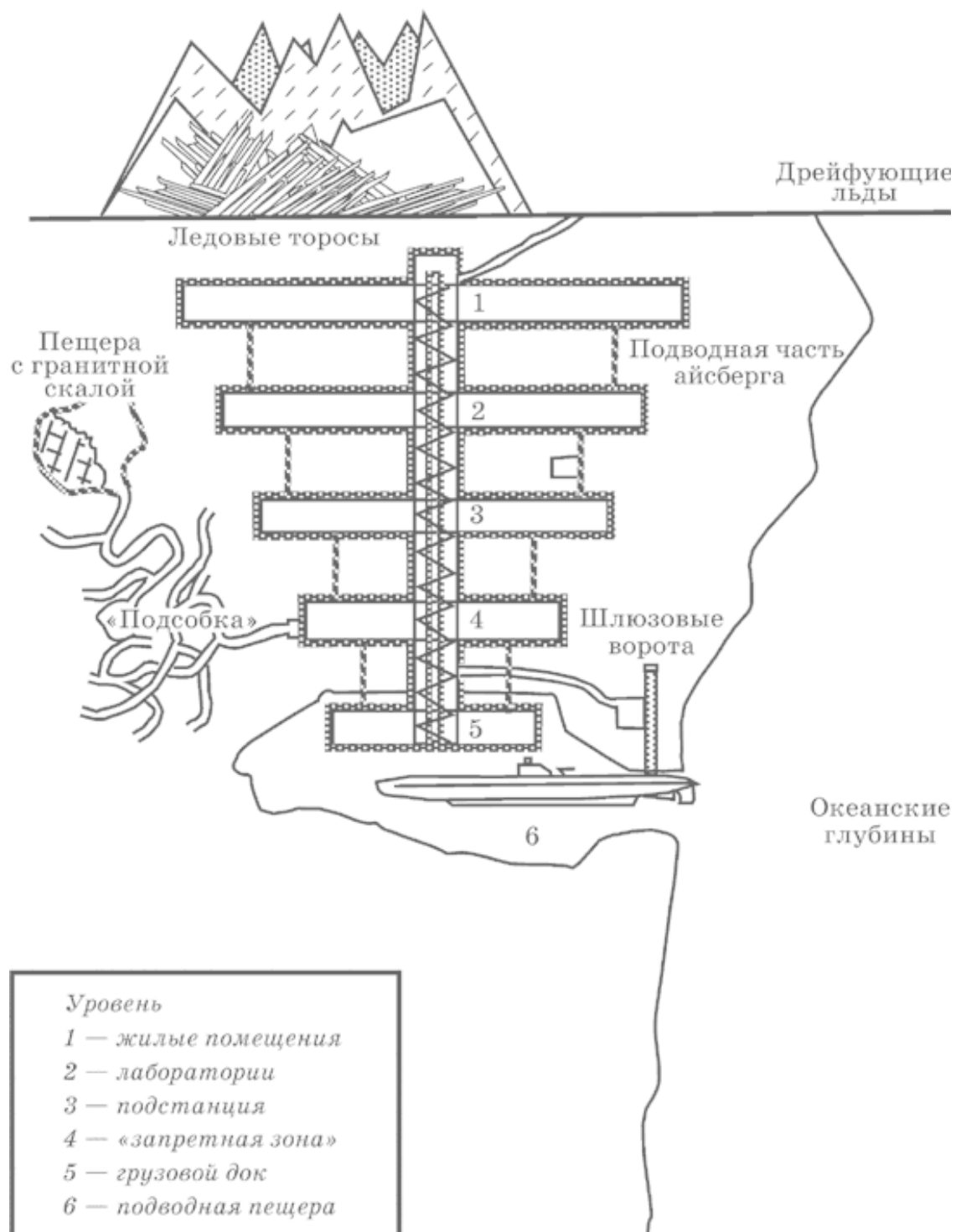
Действующие лица	8
Пролог	10
Часть 1	17
1. На запах крови	18
2. Кошки-мышки	30
3. Ловушки	49
4. В воздухе	62
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Джеймс Роллинс Айсберг

*Посвящается Дейву Мику, новой звезде, восходящей на
литературном небосводе*

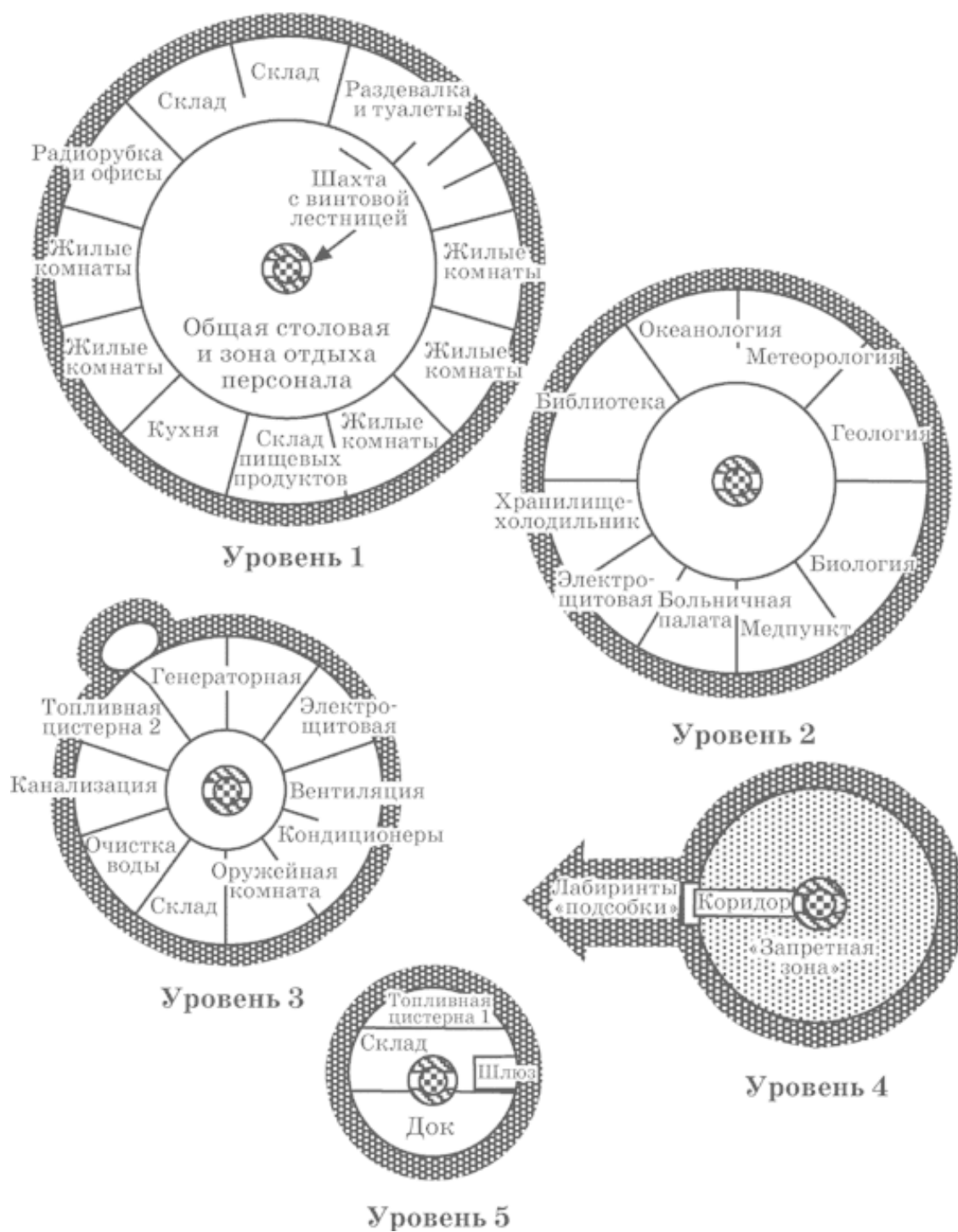

Ледовая станция «Грендель»

Ледовая станция «Грендель»

Схема уровней

Действующие лица

Гражданские

Мэтью Пайк, инспектор национальных парков Аляски.

Дженнифер Аратук, шериф племен нунамиут и инупиат.

Джунакваат (Джон) Аратук, пенсионер, отец Дженнифер.

Крейг Тиг, репортер газеты «Сиэтл таймс».

Бенни и Белинда Хэйдон, владельцы туристической фирмы на Аляске.

Бейн, поисково-спасательная собака на пенсии, помесь волка и аляскинского маламута¹.

Персонал дрейфующей станции «Омега»

Д-р Аманда Рейнольдс, инженер (США).

Д-р Оскар Уиллиг, океанолог (Швеция).

Д-р Генри Огден, биолог (США).

Д-р Ли Бентли, специалист по материаловедению, исследователь из НАСА (США).

Д-р Коннор Макферран, геолог (Шотландия).

Д-р Эрик Густоф, метеоролог (Канада).

Лейси Девлин, аспирант, геолог.

Магдалена, Энтони и Зейн, аспиранты, биологи.

Военные (США)

Грегори Перри, командир подводной лодки «Полар сентинел».

Роберто Брэтт, первый помощник капитана «Полар сентинел», лейтенант-коммандер.

Кент Рейнольдс, командующий Тихоокеанской подводной флотилией, адмирал.

Пол Сьюэлл, начальник охраны станции «Омега», лейтенант-коммандер.

Серина Уошберн, лейтенант.

Митчелл Грив, лейтенант.

Фрэнк О’Доннел, корабельный старшина.

Том Помаутук, мичман.

Джо Ковальски, рядовой матрос.

Дуг Перлсон, рядовой матрос.

Тед Кантер, мастер-сержант, группа спецназа «Дельта форс».

Эдвин Уилсон, старший сержант, «Дельта форс».

Военные (Россия)

Виктор Петков, командующий Северным флотом, адмирал.

Антон Миковский, командир атомной подводной лодки «Дракон», капитан 1-го ранга.

Григорий Янович, первый помощник капитана подводной лодки «Дракон».

Степан Юрген, боец спецподразделения «Леопард».

¹ **Аляскинский маламут** – ездовая собака. По названию эскимосского племени, живущего на Аляске, где была выведена эта порода.

* * *

*Выписка из архива:
газета «Торонто дейли стар»,
23 ноября 1937 года*

ИСЧЕЗЛА ДЕРЕВНЯ ЭСКИМОСОВ!

Полиция подтверждает историю зверолова

Эксклюзивно для «Стар»

Территория Озер, 23 ноября. Инспектор Королевской канадской конной полиции, посетивший район Северных озер, подтвердил факт исчезновения эскимосской деревни. Десять дней назад охотник за пушным зверем Джо Лабель обратился в полицию с рассказом о загадочном и пугающем открытии. Расставляя капканы в районе озера Анджикуни, Джо наткнулся на затерянное в снегах поселение эскимосов и обнаружил, что все его жители – мужчины, женщины, дети – бесследно исчезли. «Это выглядело так, будто они встали и чуть ли не голышом ушли из деревни».

Инспектор Пьер Менард сегодня огласил результаты проверки этой истории и подтвердил сказанное охотником. Жители действительно покинули деревню по неизвестным причинам и непонятным образом. «В ходе поиска мы обнаружили нетронутую еду, снаряжение и запасы продовольствия, но не встретили ни одного жителя. Они бесследно исчезли».

Эскимосы не взяли с собой даже своих ездовых собак – животные были обнаружены погребенными под снегом, они умерли от голода. Но самым тревожным в отчете было то, что полицейские наткнулись на раскопанные и опустошенные могилы эскимосских предков неподалеку от деревни.

Конная полиция обещает продолжать поиски жителей деревни, но на сегодня их исчезновение остается загадкой.

Пролог

6 февраля, 11 часов 58 минут

538 километров к северу от Полярного круга

73 метра глубины

Бесшумно вращая двумя бронзовыми винтами, подводная лодка «Полар сентинел» – новейшее научно-исследовательское судно ВМФ США – медленно скользила в темных глубинах океана под массивным ледяным покровом. По кораблю разносились звуки сигнализации, предупреждающие об опасном приближении к внешним объектам.

– Мама дорогая, вот это монстр! – пробормотал первый помощник капитана, наклонившись над экраном небольшого монитора на своем посту в боевой рубке.

Капитан подлодки Грегори Перри, всматривающийся через перископ в водное пространство за двойным корпусом из титана и углеродистой стали, мысленно согласился с командером Брэттом. Вокруг подлодки, невзирая на полдень, царила крошечная тьма. В Арктике продолжалась зима, и экипаж «Полар сентинел» не видел солнца уже несколько месяцев. Над головой расстилалась черная пелена ледового покрытия. И лишь местами, где слой льда был тоньше, темноту разбавляли сине-зеленые пятна просочившегося с поверхности лунного света. Средняя толщина льда достигала трех метров, при этом ледяной потолок был увешан похожими на сталактиты зазубренными гребнями, свисающими на глубину до двадцати пяти метров.

Однако ни один из этих гребней не мог сравниться с перевернутой ледяной горой – настоящим Эверестом из льда, – которую подводная лодка обходила у самой «вершины».

– Эта красавица уходит вниз на милю, не меньше, – сказал командер Брэтт.

– Точная глубина – одна целая и четыре десятых мили, – доложил вахтенный офицер, сидящий у терминала в окружении целой армады приборов, датчиков и мониторов.

Его палец скользил по экрану высокочастотного гидролокатора, отображающего контуры ледяной глыбы.

Перри продолжал рассматривать маячащий перед ними айсберг через перископ, больше доверяя своим глазам, чем показаниям приборов. Он включил ксеноновые прожекторы, и темная стена заиграла сине-зелеными оттенками. Подлодка проплывала на опасном расстоянии от ледяной горы, о чем система сигнализации назойливо напоминала экипажу.

– Кто-нибудь вырубит эту чертову штуку? – проворчал Перри.

– Есть, сэр!

Корабль погрузился в тишину. Все притихли. Доносился лишь еле слышимый гул двигателей и легкое шипение генератора кислорода. Как и все атомные подлодки, «Полар сентинел» двигалась в воде почти бесшумно. Будучи сконструированной для научных целей, она была вдвое меньше боевых подводных крейсеров, за что и получила шуточное название «головастик». Своими размерами она была обязана новым инженерным технологиям, позволившим сократить экипаж и, соответственно, количество жилых отсеков. К тому же на подлодке отсутствовало вооружение, и все свободное пространство использовалось для размещения дополнительного оборудования и научного персонала. Однако отсутствие боевых систем мало кого вводило в заблуждение, поскольку подлодка являлась еще и прототипом нового поколения торпедных подводных лодок – меньших по размеру, более быстроходных и эффективных в поражении целей.

Формально находясь на стадии испытаний, «Полар сентинел» была приписана к дрейфующей полярной станции «Омега», построенной на льду Арктики по совместному проекту ряда государственных научных учреждений, включая Национальный научный фонд и Национальное управление по исследованию океанов и атмосферы.

Всю последнюю неделю экипаж занимался установкой метеорологического оборудования на поверхности ледяного поля. Это позволяло ученым на станции отслеживать изменения погодных условий. Лодка несколько раз всплывала через расщелины между льдинами и широкие полыньи, покрытые тонким слоем льда. Но час назад они наткнулись на этот ледяной Эверест.

– Вот это айсберг, черт побери! – присвистнул Брэтт.

– Правильнее сказать – ледяной остров, – вмешался посторонний голос.

Перри оторвал взгляд от перископа.

Седоволосый мужчина с аккуратно подстриженной бородкой, пригнувшись, протиснулся в рулевую рубку через люк, ведущий в исследовательские отсеки на носу лодки. Доктора Оскара Уиллига, шведского океанографа, сопровождал молоденький лейтенант. Старейший, но крепкий и суровый на вид швед небрежно махнул в сторону видеомонитора и приветственно кивнул Перри.

– Вид из «циклопа» намного лучше. Кстати, доктор Рейнольдс интересуется, не хотели бы вы присоединиться к нам. Мы сделали довольно любопытное открытие.

После долгой паузы Перри кивнул, сложил рукоятки перископа и повернул рычаг гидравлического привода. Труба перископа из нержавеющей стали плавно ушла в металлический кожух.

– Коммандер Брэтт, передаю вам управление лодкой, – сказал он, спустившись с платформы, на которой размещался перископ, и направился к доктору Уиллигу.

Брэтт вопросительно приподнял густую бровь.

– Вы собрались в «циклоп», когда вокруг столько льда? Я бы на это не отважился. У вас железные нервы, командир.

– Не железные. – Перри постучал по корпусу лодки. – Титановые.

Его помощник усмехнулся, оценив шутку.

Подойдя к шведу, Перри заметил, как возбужденно сверкают его глаза.

– Я в жизни не видел ничего подобного. Это потрясающее зрелище! – воскликнул Уиллиг.

Перри провел рукой по коротко остриженным рыжим волосам и жестом пригласил профессора проследовать в носовой отсек. Тот кивнул, повернулся и продолжил восторженно описывать ледяной остров, как будто читал увлекательную лекцию в Стокгольмском университете:

– Такие острова встречаются очень редко. Они образуются, когда гигантские айсберги откалываются от материковых ледников. Океанские течения относят эти ледяные горы к Полярному кругу, где они вмерзают в полярную шапку. Долгие годы они тают, снова замерзают и в конце концов становятся частью ледяного покрова. – Профессор обернулся и посмотрел на капитана, прежде чем протиснуться через переборочный люк. – Ну, это чем-то напоминает миндаль в шоколаде.

Перри, имеющий рост метр восемьдесят, согнувшись чуть ли не вдвое, последовал за ним.

– И что же вы такое там обнаружили? Почему доктор Рейнольдс настаивает, чтобы мы тщательно изучили этот «миндаль»?

Уиллиг кивнул и двинулся по коридору через исследовательские отсеки подлодки.

– Это не просто редкое явление. Ледяные острова формируются из векового льда, и многие из них, откалываясь от материковых ледников, уносят с собой в океан огромные валуны и даже целые земляные пласты. Изучая их, мы можем заглянуть в далекое прошлое. Представляете?

Перри следовал за профессором по узкому проходу, не давая ему возможности остановиться.

– Мы не имеем права упустить такой шанс, – сказал Уиллиг. – Возможно, мы никогда больше не столкнемся с чем-то подобным. Полярная шапка покрывает площадь размером в два раза больше, чем территория ваших Соединенных Штатов. Зимние ветра и летняя оттепель постепенно стирают все следы существования ледяных островов. Даже спутники НАСА не способны точно определить их местоположение. Поэтому можно считать, что для ученых наша находка – подарок самого Господа.

– Не знаю насчет самого Господа, но это действительно интересно, – согласился Перри.

Ему доверили командование «Полар сентинел» во многом благодаря его происхождению и живому интересу к Арктике. Отец Перри служил на подводной лодке «Наутилус», которая в 1958 году впервые в мире совершила подводное плавание под арктическими льдами и прошла через Северный полюс. Для него было большой честью продолжить дело отца и стать капитаном новейшего исследовательского судна ВМФ США.

Доктор Уиллиг указал рукой на задраенный люк в конце коридора:

– Ну вот, мы уже почти на месте. Вы должны увидеть это собственными глазами.

Перри жестом пригласил его пройти вперед, а сам оглянулся назад. «Полар сентинел» делилась на две части. За рулевой рубкой, по направлению к корме, располагались каюты экипажа и инженерные отсеки. Двигаясь по коридору, они только что миновали научно-исследовательские лаборатории. Носовая часть подлодки, где на боевых кораблях класса «Вирджиния» обычно размещаются торпедные аппараты и гидролокатор, была радикально переделана.

– После вас, – предложил Уиллиг, подойдя к задраенному люку.

Перри открыл люк и протиснулся в носовой отсек. Яркий свет на мгновение ослепил его и заставил прикрыть ладонью глаза, привыкшие к тусклому освещению.

Верхняя часть бывшего торпедного отсека представляла собой прозрачный купол из оптического пластика толщиной в тридцать сантиметров. Из него, как из окна, открывался прекрасный вид на окружающее водное пространство. Снаружи купол был похож на выпученный стеклянный глаз, за что его и прозвали «циклопом».

Завороженный великолепием открывшейся картины, Перри не обратил внимания на ученых, склонившихся над экранами приборов по обе стороны просторного зала, но ответил кивком головы на приветствие членов экипажа, вытянувшихся по стойке «смирно» при его появлении.

Из глубины зала, там, где свет был особенно ярким, донесся голос:

– Впечатляет, не правда ли?

Поморгав глазами, чтобы побыстрее привыкнуть к ослепляющему зеленовато-голубому свету, Перри разглядел в самом центре зала очертания стройной женской фигуры.

– Доктор Рейнольдс?

– Я просто не могла не взглянуть на эту красоту отсюда, – ответила она, мягко улыбаясь.

Доктор Аманда Рейнольдс была официальным руководителем дрейфующей станции «Омега». Ее отец, адмирал Кент Рейнольдс, командовал Тихоокеанской флотилией подводных лодок. Выросшая в семье подводника, Аманда чувствовала себя на борту подлодки так же привычно, как и любой член основного экипажа.

Перри направился к ней через зал. Они познакомились два года назад на вечеринке, устроенной ее отцом. Перри тогда только что получил звание капитана. В тот вечер он, сам того не желая, обидел ее, раскритиковав картофельный салат, потом наступил ей на ногу в быстром танце и, наконец, проиграл ей десять долларов, поспорив, что «Чикаго кабс» разгромят «Сан-Франциско джайантс»² в предстоящем матче. Но в целом вечер удался.

Перри прокашлялся и дождался, когда Аманда посмотрит на него.

² «Чикаго кабс» и «Сан-Франциско джайантс» – бейсбольные команды Национальной лиги в США.

– Ну, как вам «циклоп»? – спросил он, четко выговаривая слова, чтобы она могла прочитать их по губам: девушка потеряла слух после автокатастрофы, когда ей было тринадцать.

Аманда подняла голову и окинула взором купол:

– Это все, о чем мечтал мой отец.

Она стояла под стеклянной аркой, повернувшись вполоборота к Перри. Ему казалось, что она медленно плывет в глубинах океана. Ее черные как смоль волосы были собраны в аккуратный хвостик. На ней была идеально отглаженная синяя форма подводника.

Когда Перри подошел к ней, ему почудилось, будто он сам погрузился в глубины открытого океана. Будучи профессиональным подводником, он прекрасно понимал беспокойство экипажа по поводу «циклопа». Хотя основной угрозой для любой подлодки считается пожар, тридцатисантиметровый слой пластика, хрупкий по сравнению с корпусом из титана и углеродистой стали, лишал ощущения безопасности, особенно в окружении такого количества льда.

Перри с трудом подавил желание нагнуться, чтобы уклониться от того, что открылось перед глазами. Океан всей своей тяжестью навис над его головой.

– Зачем вы меня пригласили? – спросил он, прикоснувшись к ее руке, чтобы привлечь внимание.

– Чтобы показать вам нечто совершенно потрясающее.

Голос Аманды дрожал от волнения.

Она указала на освещенную прожекторами ледяную стену, медленно проплывающую за стеклом «циклопа». Создавалось впечатление, что подлодка застыла на месте, а верхушка ледяного гиганта вращается вокруг своей оси перед их замороженным взглядом. Стена ледяной глыбы, которой, казалось, не было конца, мерцала в свете ксеноновых прожекторов.

Вид, несомненно, был впечатляющий, даже гнетущий, но Перри все еще не понимал, для чего понадобилось его присутствие в «циклопе».

– Мы продолжаем испытывать новый гидролокатор «ДипАй», – начала объяснять Аманда.

Перри кивнул в подтверждение того, что слышал о ее научно-исследовательском проекте. «Полар сентинел» была первой подводной лодкой, на которой установили экспериментальную систему ледяной разведки – гидролокатор проникающего излучения, что-то вроде рентгеновского аппарата для просвечивания льда. Прибор был создан на основе собственных разработок Аманды, которая специализировалась на геофизических исследованиях полярных регионов.

– Мы рассчитывали испытать его на этом острове, в надежде обнаружить каменные валуны или остатки земляных слоев, вмерзшие в лед, – продолжила она.

– Что-нибудь нашли?

Он по-прежнему не мог оторвать глаз от медленно вращающейся ледяной глыбы.

Аманда направилась к двум ученым, которые склонились над приборами.

– За первые два прохода мы ничего не обнаружили, но этот процесс чем-то напоминает чистку луковицы. Сигналы гидролокатора вызывают микроколебания в толще льда и даже немного нагревают его. Поэтому приходится соблюдать осторожность и сканировать ледяной остров слой за слоем, а это длительная и скрупулезная работа. Мы наткнулись на...

Перри все еще стоял в центре «циклопа» и первым заметил приближающуюся опасность, когда подлодка обогнула гребень ледяной глыбы. Впереди огромные ледяные валуны откалывались от основного массива и всплывали к поверхности, ударяясь о стену айсберга. Картина чем-то напоминала ледяную лавину в обратном движении. Он заметил, как в стене внезапно образовалась глубокая трещина. Гигантский кусок льда отвалился от ледяной горы и стал двигаться к медленно плывущей подлодке. Столкновение казалось неизбежным.

Перри бросился к переговорному устройству.

– Капитан вызывает рубку, – прокричал он в трубку.

– Ситуация под контролем, капитан, – ответил командер Брэтт напряженным голосом. – Заполняю цистерны аварийного балласта.

Перри уже и сам почувствовал, как тысячи литров воды стремительно заполнили объемные баки, потянув «Полар сентинел» вниз.

Подлодка дернулась и резко набрала глубину.

Перри напряженно вглядывался в водное пространство над кораблем, пытаясь определить, смогут ли они избежать столкновения с ледяной глыбой, которая приближалась к ним, будто топор палача. Все зависело от разницы между тяжестью аварийного балласта и плавучестью огромного куска льда.

Подлодка продолжала погружение под острым углом. Все ухватились за поручни. Ноутбук упал со стола и заскользил по полу.

Перри бессильно наблюдал за приближающейся ледяной глыбой, не обращая внимания на возбужденные голоса, эхом разносящиеся по залу. Он понимал, что столкновение приведет к катастрофе. Всплывать здесь негде. Даже у такого судна, как «Полар сентинел», сконструированного для выживания в жестких арктических условиях, есть предел возможного.

Стена льда заполнила все видимое пространство в стеклах купола. Подлодка продолжала крутой спуск в холодные океанские глубины. Послышался треск сварных швов. Судно застонало от резкого увеличения давления на корпус.

Впереди под медленно опускающейся глыбой неожиданно появился просвет, и подлодка нырнула в его сторону.

Глыба промелькнула над головой, буквально в нескольких сантиметрах от купола. Перри проводил ее взглядом, успев рассмотреть вкрапления морских водорослей на ледяной поверхности.

Он затаил дыхание, готовясь услышать скрежет металла и пронзительный рев клаксонов аварийной сигнализации, но в зале раздавалось лишь привычное шипение кислородных генераторов.

Через полминуты – время, которое показалось вечностью, – Перри сделал глубокий выдох и повернулся к переговорному устройству.

– Капитан вызывает рубку, – сказал он. – Отлично сработано, ребята.

Командер Брэтт ответил голосом, полным гордости и облегчения:

– Перекрываю затворки аварийного затопления. Продуваю балласт.

Подлодка начала выравниваться. Через некоторое время Брэтт добавил:

– Давайте больше не повторять такого.

– Согласен, – поддержал его Перри. – Но попробуем медленно вернуться назад и исследовать район падения ледяной глыбы с безопасного расстояния. Готов биться об заклад, что кусок стены отвалился из-за воздействия звуковых волн гидролокатора. – Он посмотрел на Аманду, припоминая ее опасения по поводу акустических колебаний и нагревания, вызываемых новым прибором. – Надо сделать несколько снимков, раз уж мы испытываем эту чертову игрушку.

Командер Брэтт подтвердил приказ и отдал распоряжение рулевому:

– Лево руля. Самый малый вперед. Следовать по кругу обратным курсом.

Подлодка начала медленно удаляться от ледяной горы. Перри подошел к блоку видеомониторов.

– Мы можем получить увеличенное изображение зоны разлома?

– Конечно, сэр, – кивнул один из операторов.

– Нам следовало ожидать появления трещины, – произнесла Аманда, невнятно выговаривая слова.

Она все еще не могла отделаться от нервного потрясения.

Перри ободряюще похлопал ее по руке:

– Нынешние испытания подлодки не зря называются обкаткой. Если нас не встряхнет пару раз, значит, мы плохо выполняем работу.

Несмотря на его слабую попытку пошутить, напряжение по-прежнему не уходило с лица Аманды. Да и у него сердце продолжало колотиться после того, как они чудом избежали столкновения с ледяной глыбой. Он склонился над монитором, в то время как оператор колдовал над переключателями, чтобы сфокусировать камеры внешнего обзора на зоне разлома. На экране наконец замерцало четкое изображение разрушенной стены.

– А это еще что? – Аманда показала на черное пятно в самом центре разлома. – Вы можете увеличить изображение?

Оператор снова кивнул и покрутил ручку настройки. Картинка выросла, и на ней уже можно было рассмотреть детали пятна. Это был не лед и не камень. Что-то странное. «Полар сентинел» повернулась, и пятно попало в свет прожекторов подлодки. На экране появились темные очертания угловатой структуры, явно созданной руками человека.

Чем ближе подлодка подплывала к ледяной горе, тем меньше у Перри оставалось сомнений: перед ними была корма другой подлодки, вмерзшей в лед, словно палочка во фруктовое мороженое. Он подошел к самому стеклу и вгляделся в смутные контуры погребенного во льду судна. «Подлодка очень старая, чтобы не сказать древняя», – подумал он.

«Полар сентинел» медленно проплыла на безопасном расстоянии мимо скованного ледяной хваткой остова.

– Это действительно то, о чем я подумал? – тихо спросил доктор Уиллиг.

– Подлодка, – ответил Перри, кивнув головой. Он мог распознать подводное судно с первого взгляда. – По-моему, это русская подлодка времен Второй мировой.

– Ваше предположение подтверждает наше открытие. Именно поэтому мы вас и позвали, – произнесла Аманда, которая стояла рядом с двумя учеными, склонившись над экраном монитора.

Следы испытанного шока почти исчезли с ее лица.

– Вы о чем? – обернувшись, спросил Перри.

Она показала на другой монитор:

– Это ранняя запись сканирования с помощью гидролокатора.

На экране появилось объемное изображение ледяного острова. Разрешение было великолепным, но Перри не заметил ничего необычного.

– Покажи ему, – продолжила Аманда, положив руку на плечо одного из операторов.

Тот пробежался по клавиатуре, и четкая картинка сменилась размытым рисунком, на котором просматривались очертания многоярусной структуры, уровень за уровнем поднимающейся к самой вершине ледяной горы.

– Что это? – спросил Перри.

– Мы думаем, что это заброшенная полярная база, построенная внутри айсберга, – ответил оператор.

Он снова постучал по клавишам, и на мониторе появилось увеличенное изображение одного из уровней. На картинке отчетливо проступили контуры комнат и коридоров, которые невозможно было принять за природное явление.

– Если вы правы по поводу подлодки, то это русская полярная база, – добавила Аманда, взглянув на Перри. – Судно пришвартовано на самом нижнем уровне.

Перри показал на несколько темных пятен, беспорядочно разбросанных по экрану:

– Неужели это то, что я предполагаю?

Оператор навел курсор мыши на одно из пятен и нажал на клавишу. Увеличенная картинка не оставляла повода для сомнений.

– Да, это тела, капитан, – подтвердил оператор. – Мертвые тела.

Мимолетное движение на самом краю экрана на мгновение привлекло внимание Перри и тут же исчезло. Он внимательно посмотрел на окружающих и спросил:

– Кто-нибудь еще это заметил?

Аманда удивленно приподняла бровь:

– Перемотайте запись обратно.

Оператор прокрутил кассету назад, немного уменьшил масштаб изображения и замедлил запись на том месте, где впервые появилось размытое пятно. На нижнем уровне станции что-то промелькнуло и мгновенно исчезло в глубинах ледяной горы, за пределами досягаемости гидролокатора. И хотя движение было едва заметным, их сомнения окончательно развеялись.

– Там прячется что-то живое... – прошептала Аманда.

Часть 1

Следы на снегу

◁▷°Г П°Г↵°b

1. На запах крови

◁▷^{9b} j^c Γ^b ρ ρ^a

6 апреля, 14 часов 56 минут

Брукс-Рейндж, Аляска

«К природе-матери надо относиться с уважением... особенно когда она весит сто восемьдесят килограммов и охраняет своего детеныша», – размышлял Мэтью Пайк, наблюдая за гризли с расстояния в сорок пять метров.

Массивная самка тоже не спускала с него глаз, пытаясь как паровоз. Ее годовалый детеныш тыкался носом в заросли ежевики, хотя ягодный сезон еще не наступил. Медвежонок просто играл в кустах, не замечая инспектора природоохраны ростом в метр девяносто, который стоял неподалеку, обливаясь потом под полуденным солнцем. Впрочем, под пристальным надзором матери малышу ничто не угрожало. Ее мускулистая туша, желтоватые клыки и десятисантиметровые когти служили надежной гарантией безопасности.

Вспотевшая ладонь Мэтью покоилась на зачехленном баллончике с перцовым аэрозолем. Другой рукой он осторожно тянулся к винтовке, заброшенной за плечо. «Не нападай, дорогая... не делай этот день хуже, чем он есть». Мэтт уже успел намучиться с утра со своими собаками, и ему пришлось оставить их на привязи в лагере.

Медведица прижала уши к голове, напрягла задние лапы и медленно переступила передними, приняв угрожающую позу.

Мэтт чуть не застонал от безысходности. Ему хотелось сорваться с места и побежать, но он понимал, что гризли сразу бросится за ним в погоню. Он с опаской сделал шаг назад, стараясь не наступить на ветки, валяющиеся на земле. На ногах у него были поношенные сапоги из лосиной кожи, пошитые его бывшей женой-эскимоской, которая унаследовала это умение от отца. Он мысленно поблагодарил ее за подарок, хотя прошло уже три года, как они развелись. Мягкие подошвы позволяли ему передвигаться почти бесшумно.

Он продолжал медленно пятиться назад.

Обычно, встретив в глуши медведя-отшельника, его можно отпугнуть громкими криками или свистом, но сейчас, когда Мэтт, взобравшись на пригорок, натолкнулся на самку с детенышем, любое резкое движение или громкий звук могли только спровоцировать гризли на атаку. Каждый год на Аляске случаются тысячи нападений гризли на людей, и сотни из них – смертельные. Месяца два назад Мэтью и его коллеге пришлось отправиться на каяках по притоку Юкона в поисках двух пропавших сплавщиков. Нашли обглоданные останки.

Мэтт был хорошо знаком с медвежьими повадками. В повседневных походах по заповедным местам он изучал следы, оставленные медведями, – то свежий помет, то вывороченные куски дерна, то исцарапанные когтями стволы деревьев. На шее он носил специальный свисток, а на поясе – баллончик с газом. Ну и конечно же, как всякий здравомыслящий человек, который отважился помериться силами с дикой природой Аляски, он всегда имел при себе винтовку. За десять лет работы инспектором природоохраны он убедился в том, что непредвиденные ситуации в здешних местах – обычное дело. Аляска по площади превосходит Техас, и во многие удаленные уголки здесь можно попасть только на гидросамолете. В сравнении с этой глухоманью даже самые дикие уголки других штатов покажутся не более чем многолюдными парками отдыха, ухоженными и поставленными на коммерческую основу, – вроде Диснейленда. Здесь же природа царит во всей своей первозданной и суровой красоте.

«Было бы неплохо сейчас избежать этой суровости», – подумал Мэтт, продолжая отступать. Самка по-прежнему не двигалась с места. И тут маленький медвежонок – если можно назвать маленьким 82-килограммовый клубок из шерсти и мышц – наконец заметил незна-

комца. Он поднялся на задние лапы и устоялся на Мэтью, замотав головой в инстинктивном проявлении животной агрессивности. Со стороны это выглядело довольно забавно, до тех пор пока медвежонок не сделал то, чего Мэтт боялся больше всего: он опустил на все четыре лапы и, переваливаясь, направился к Мэтту. Он не нападал – скорее делал это из любопытства и желания поиграть, но от этого было не легче.

Мэтт не боялся годовалого медвежонка – его можно было остановить одним зарядом из баллончика, а вот с мамашей все обстояло сложнее. Против такого веса и силы газовый баллончик – просто игрушка. Конечно, можно выстрелить медведице в голову из винтовки, да только толстый череп гризли пуля не пробьет. И даже точное попадание в сердце не гарантирует спасения. За десять минут смертельной агонии медведица успеет разорвать его в клочья. Остановить разъяренного зверя можно было, только целясь в лапы, – лишить его возможности двигаться, а уж потом продолжать стрелять с безопасного расстояния.

Но несмотря на грозящую опасность, Мэтт не хотел этого делать. Он поклонялся этим животным как символу Аляски. Численность гризли в последнее время сократилась до двадцати пяти тысяч, и он не мог позволить себе убить даже одного медведя. В конце концов, в Брукс-Рейндж он приехал во время отпуска, для того чтобы помочь составить каталог местной популяции пробуждающихся от спячки животных. В этот день он собирал кусочки медвежьей шерсти из специальных ловушек, расставленных в удаленных уголках заповедника, для последующего анализа ДНК и наполнял ловушки свежей зловонной приманкой, которую медведи обожали. И – вот так встреча!

Мэтт понимал, что выбор у него невелик – убить или быть убитым. Медвежонок приближался к нему косолапой походкой. Самка предостерегающе заревела, хотя Мэтт не был уверен, что знает, к кому она обращается – к детенышу или к нему. Он ускорил шаг, путаясь в собственных ногах, сдернул винтовку с плеча и расстегнул чехол газового баллончика.

Пытаясь откинуть крышку баллончика, Мэтт услышал за спиной свирепое рычание. Он быстро оглянулся и увидел темный силуэт, несущийся к нему по тропинке.

Мэтт с удивлением узнал своего любимого пса.

– Бейн! Нет!

Шерсть на загривке и спине пса встала дыбом, он не переставал рычать. Похоже, своим чутким носом собака уловила запах медведей... или почувствовала страх, охвативший ее хозяйку.

– Рядом! Сидеть! – скомандовал Мэтт.

Послушный пес резко затормозил передними лапами, присел рядом с Мэттом и громко гавкнул, обнажив острые клыки. Помесь собаки и волка, Бейн обладал крупным телом и весил почти сорок пять килограммов. Кусок изжеванного кожаного поводка свисал с его ошейника. Мэтт оставил своего любимца с тремя другими собаками на временном привале, а сам пошел менять приманку в близлежащей ловушке. Приманка – смесь коровьей крови, протухших рыбьих потрохов и скунсового масла – сводила собак с ума. Сегодня утром Мэтт вновь убедился в этом, когда Грегор вывалился в свежеложенной приманке. Собаку пришлось долго отмыывать, чтобы избавиться от зловония. Он решил, что одного раза достаточно, и после обеда оставил собак на привале. Но Бейн, обычно не отходивший от хозяина ни на шаг, перегрыз поводок и последовал за Мэттом.

Пес снова залаял.

Мэтт развернулся и увидел, что медведи, озадаченные появлением крупной собаки, застыли на месте. Самка шумно втягивала воздух через нос. Скорее всего, ей был знаком волчий запах. «Может быть, новая угроза заставит медведей уйти?»

Медвежонок, нерешительно переступавший с лапы на лапу метрах в двенадцати от Мэтта и собаки, вдруг мотнул головой и бросился к ним, не обращая внимания на опасность. У самки не было выбора. Она заревела в бешенстве, опустила на передние лапы и бросилась в атаку.

Реакция Мэтта была мгновенной. Он впихнул газовый баллончик в поясной чехол, выхватил стеклянную банку с приманкой из бокового кармана рюкзака, размахнулся и швырнул ее изо всех сил в сторону огромного пня, стоявшего в тридцати метрах вверх по тропинке. Банка размером с кулак пролетела со скоростью и точностью подачи питчера³ из «Нью-Йорк янкиз»⁴ и вдребезги разбилась о ствол дерева.

Кровь и рыбы потроха разлетелись во все стороны, наполнив воздух невыносимой вонью. Обычно, чтобы привлечь медведей со всей округи, достаточно было всего двух наперстков концентрированной смеси.

Медвежонок остановился и задрал нос вверх, принюхиваясь. Его голова, словно локатор, тут же развернулась к источнику восхитительного запаха. Даже самка прервала свою атаку, обернувшись на пень, заляпанный кусочками приманки. Медвежонок повернулся и вразвалку направился вверх по склону. Голодному, только что выбравшемуся из логова после зимней спячки малышу аппетитный запах показался намного привлекательнее кустов ежевики или двух незнакомых существ. Его мать по-прежнему внимательно наблюдала за Мэтью и его компаньоном, но при этом уселась на задние лапы, поджидая, пока медвежонок не проследует мимо нее по направлению к воняющему, как помойка, дереву.

«Пора смываться отсюда», – подумал Мэтт.

– Рядом, Бейн, – прошептал он, медленно опустив руку и ухватив собаку за обрывок поводка.

Бейн задрал морду, принюхиваясь к запаху приманки.

– Даже не мечтай, – сказал Мэтт.

Оставив медведей наслаждаться неожиданной добычей, он стал осторожно спускаться с пригорка, все еще пятясь, поглядывая то вперед, то под ноги, чтобы не споткнуться и не потерять из виду самку, которая могла передумать и последовать за ними. Пройдя метров четырехста, он понял, что медведи их преследовать не собираются, развернулся и быстрым шагом покрыв три километра до привала.

Временный лагерь Мэтт оборудовал на берегу широкого ручья, местами все еще покрытого тонким слоем льда. Весна в этом году припозднилась, но распускающиеся повсюду полевые цветы – голубая синюха, желтый кипрей, красные дикие розы и темно-лиловые фиалки – были верным признаком приближающегося потепления. На берегу замерзшего ручья, под осинами и ивами уже зацветал пятнистый вех.

Он особенно любил это время года, когда природа в национальном парке «Врата Арктики» только просыпалась от зимнего сна, а туристы и сплавщики еще не начали свое ежегодное паломничество в эти заповедные места. Но даже в самый разгар туристического сезона посетителей заповедника, раскинувшегося на площади в тридцать два миллиона квадратных километров, бывало немного. Ежегодно в национальный парк размером с территорию вместе взятых Вермонта и Коннектикута приезжали не более трех тысяч туристов. А сейчас вся эта красота вообще принадлежала ему одному.

Лагерь встретил его привычным лаем и повизгиванием собак. Чалая кобыла – полукровка арабской породы по кличке Мэрайя – при виде его заржала, закивала головой и ударила копытом о землю, вполне по-женски требуя внимания. Бейн и оставшиеся на привязи собаки обменялись собачьими приветствиями, потеревшись и потыкавшись носами. Мэтт отвязал поводки, и Грегори, Саймон и Батхед, свесив языки, радостно забегали кругами по лагерю, обнюхивая все вокруг, задирая задние лапы, – в общем, впали в обычное для собак состояние беспечной игривости.

³ **Питчер** – игрок обороняющейся команды в бейсболе, бросающий мяч.

⁴ **«New York Yankees»** – профессиональная бейсбольная команда в Американской лиге.

Бейн уселся у ног хозяина, наблюдая за молодыми собаками. Шерсть его была черна как смоль, с редкими проблесками серебристого подшерстка и белой меткой под подбородком.

Мэтт укоризненно посмотрел на жоака стаи, собравшись уже было побранить его, но лишь покачал головой, поняв, что это бесполезно. Бейн был ведущим его санной упряжки, быстро реагировал на команды, обладал ловкостью и выносливостью, но и упрямства ему было не занимать.

– Ты понимаешь, что нам пришлось поплатиться целой банкой приманки? – проворчал Мэтт. – Кэрл всю кровь из нас выпьет, чтобы приготовить новую порцию.

Кэрл Джеффрис была ведущим руководителем проекта по составлению каталога медвежьей популяции на основе проб ДНК. «Она голову мне оторвет за такую потерю», – подумал Мэтт. У него осталась всего одна банка с приманкой, которой хватит, чтобы наполнить только половину ловушек. Придется возвратиться раньше намеченного срока, что, возможно, задержит ее исследования на целый месяц. «Да, есть отчего разозлиться», – вздохнул Мэтт. Он уже задумывался: может, лучше было бы помериться силами с огромной самкой гризли.

Он похлопал Бейна по боку и потрепал густую шерсть на загривке, чем заслужил одобрительное помахивание хвостом.

– Давай-ка приготовим что-нибудь поесть, – сказал он, размышляя над тем, что день, который сложился так неудачно, неплохо бы завершить плотным горячим ужином.

Было еще не поздно, но уже начало темнеть. На Дальнем Севере холодное арктическое солнце садится рано. На небе собрались тучи, предвещая дождь или даже снегопад еще до наступления ночи.

«Надо побыстрее развести костер», – подумал Мэтт.

Он сбросил выцветшую, залатанную на локтях зеленую армейскую куртку с меховым капюшоном и подкладкой из шерсти ламы. Оставшись в толстой шерстяной рубашке и брюках из плотной ткани, он не почувствовал холода – сказались быстрая ходьба и недавний выплеск адреналина. Мэтт подошел с ведром к ручью и отбил ногой несколько кусков льда у самой кромки воды. Было бы проще зачерпнуть воду прямо из ручья, но он предпочитал более чистый лед, который можно быстро растопить на огне.

С привычной легкостью, насвистывая, Мэтт принялся собирать сухие ветки для костра. Внезапно он почувствовал, как вокруг наступила непривычная тишина. Затаив дыхание, он прислушался к лесу. Собаки притихли. Умолкло щебетание золотистых ржанок на ветках осин. Эхо его свиста резко оборвалось.

И тут он услышал новый звук.

Мэтт распознал гул самолета, который казался ровным и далеким, пока одномоторная «сессна» не пересекла горную гряду, подлетая к долине. Выпрямившись, он всмотрелся в темнеющее небо. Еще не разглядев маленький самолет на фоне серых облаков, он понял, что у того возникли проблемы – вместо монотонного гудения двигатель издавал звуки, похожие на кашель астматика.

Самолет резко качнулся на одно крыло, потом на другое; он то терял, то набирал высоту. Двигатель работал с перебоями. Мэтт подумал, что пилот, похоже, пытается найти место для аварийной посадки. Как и любой самолет, летающий в этих отдаленных местах, этот был оборудован поплавками для безопасного приземления на воду реки, ширина которой позволяла не задеть крыльями берег. Но таких рек поблизости не было. Небольшой ручей, протекающий рядом с привалом, вливался в достаточно широкую реку Алатну в центре парка, но до нее было еще добрых сто пятьдесят километров.

«Сессна» пролетела над долиной, неуклюже покачиваясь с крыла на крыло. Последние усилия умирающего двигателя позволили самолету перевалить через очередную гряду и исчезнуть за холмом, лишь слегка задев поплавок за верхушку ели. Мэтт поморщился от недоброго предчувствия, продолжая всматриваться в даль и прислушиваясь к каждому звуку.

Беда не заставила себя долго ждать. Как отдаленный раскат грома, из соседней долины донеслось гулкое эхо удара самолета о землю.

– Черт! – пробурчал Мэтью.

Через некоторое время над верхушками елей поднялся столб черного дыма.

– А я еще думал, что это мой день сложился неудачно. – Мэтт повернулся к собакам. – По коням, ребятки. Ужин подождет.

Он схватил армейскую куртку и направился к лошади, качая головой. Где-нибудь в другом месте такое, может быть, и было редкостью, но здесь, на Аляске, пилоты, рискующие жизнью в полетах над суровой Арктикой, стали едва ли не местным колоритом. В их желании бросить вызов природе была какая-то особая мужская бравада. Эти попытки достичь предела возможного зачастую заканчивались трагически. Каждый год около двухсот небольших самолетов разбивалось в удаленных районах Аляски. Компании по спасению имущества, нанимаемые для эвакуации остатков самолетов, были завалены заказами на год вперед, и бизнес продолжал расти. Потерпевших катастрофу самолетов становилось все больше и больше.

– Зачем искать золото, если деньги сами падают с проклятых небес? – однажды пошутил один из спасателей в разговоре с Мэтью.

Мэтт взвалил седло на спину лошади. Самолеты – это одно, а вот люди – совсем другое. Чем быстрее спасатели прибывают на место катастрофы, тем больше шансов у оставшихся в живых. Аляска не щадит слабых, больных или раненых. Здесь по-прежнему царит закон джунглей, и сегодняшнее столкновение с медведем еще раз напомнило ему об этом.

Мэтт подтянул подпруги и забросил на седло переметную суму с дорожной аптечкой. Портативную радиостанцию он брать не стал, так как вышел из зоны ее действия еще три дня назад.

Вдев ногу в стремя, он вскочил в седло. Собаки нетерпеливо вертелись у кромки привала, готовые отправиться в поход.

– Что ж, ребята, время поиграть в героев, – сказал Мэтт.

Североморская военно-морская база

Мурманск, Россия

Виктор Петков стоял на четвертом причале, в зимней шинели и меховой шапке с козырьком. О его высоком ранге свидетельствовали три большие золотые звезды на погонах.

Он курил кубинскую сигару – такие давно стали редкостью.

За спиной раскинулась Североморская военно-морская база – его дом и сфера его ответственности. В небольшом городке, окруженном колючей проволокой и бетонными заборами, располагались огромные судоверфи, доки, ремонтные мастерские, оружейные склады и здания оперативного командования Северного флота. Персонал базы, построенной на берегу Северного Ледовитого океана, стойко переносил все тяготы и лишения службы в суровых арктических условиях. Здесь не только строились могучие боевые корабли, но и проходили закалку целые поколения военных моряков.

В темно-серых глазах адмирала отражались бескрайние просторы сурового океана, однако все его внимание было приковано к подводной лодке «Дракон», стоящей у причала и почти готовой к буксировке в открытое море. Экипаж завершал укладку кабелей внешнего электрического питания на борту подводного крейсера.

– Товарищ адмирал, – обратился к нему молодой командир лодки, вытянувшись по стойке «смирно», – «Дракон» готов к отплытию по вашему приказу.

Посмотрев на часы, Петков кивнул:

– Мне нужно позвонить по наземной линии засекреченной связи с борта лодки, прежде чем мы отправимся.

– Слушаюсь, товарищ адмирал. Пройдемте со мной.

Виктор внимательно наблюдал за капитаном 1-го ранга Миковским по пути к трапу. «Дракон» – первая подлодка, которой командует молодой офицер. Адмирал обратил внимание, какой гордой стала походка Миковского. Капитан только что успешно завершил обкатку новой подлодки класса «Акула», а теперь ему доверили выполнение задания, детали которого держались под грифом «Совершенно секретно». Тридцатилетний командир лодки – в два раза моложе, чем адмирал, – вышагивал по пристани, ощущая себя важной персоной.

«Неужели я был таким же наивным в молодости?» – думал Виктор, подходя к трапу. Сегодня, за год до ухода в отставку, он уже очень смутно помнил себя столь же молодым и самоуверенным. Опыт десятилетий научил его, что в жизни все не так просто, как кажется на первый взгляд.

Капитан сообщил экипажу о прибытии адмирала на борт подлодки и, обернувшись к Виктору, сказал:

– Прошу разрешения выйти в море, товарищ адмирал.

Петков молча кивнул и щелчком пустил окуроч сигары в воду.

Капитан начал отдавать приказы вахтенному офицеру, а тот передавал их через рупор экипажу:

– Поднять трап! Отдать швартовы!

Трап подняли краном и переместили на пристань. Матросы бросились отматывать тросы со швартовых тумб.

Миковский легко взобрался по металлическим ступенькам на мостик боевой рубки, отдал последние указания вахтенной команде и пригласил адмирала спуститься внутрь подлодки.

Петков не бывал на подлодках уже два года, но знал устройство этого корабля как свои пять пальцев. Будучи опытным подводником, он досконально изучил все чертежи и схемы еще на стадии конструирования и даже снабдил их своими комментариями. Несмотря на это, он позволил командиру проводить его через кипящий деятельностью центральный пост в капитанскую каюту, которую ему отвели на время похода.

При встрече с его взглядом члены экипажа почтительно отводили глаза. Адмирал прекрасно знал, какое впечатление он производит. Высокий для подводника рост, худощавость, копна седых волос, доходящих, вопреки требованиям устава, до воротника – все это вкупе с бесстрастным выражением лица и холодными серыми глазами породило прозвище, которое сейчас, без сомнения, не выходило из головы у каждого члена экипажа: Белый Призрак.

– Линия засекреченной связи по-прежнему действует, как вы просили, – сказал Миковский, остановившись у каюты.

– А ящики из лаборатории?

– По вашему приказанию доставлены в каюту.

Командир подлодки указал на открытую дверь.

Адмирал заглянул в каюту.

– Отлично, – сказал Петков, снимая шапку. – Вы свободны, капитан. Занимайтесь лодкой.

– Слушаюсь, товарищ адмирал!

Миковский круто развернулся на каблуках и отправился на центральный пост.

Виктор вошел в каюту и защелкнул замок. Его личные вещи были аккуратно уложены рядом с кроватью, а шесть ящиков из титана составлены в глубине маленькой каюты. Он подошел к ящикам и проверил сохранность печатей на красной папке, лежащей сверху. Печати были на месте. На обложке папки карандашом было выведено лишь одно слово:

ГРЕНДЕЛЬ

Грендель – имя из легенды.

Его пальцы непроизвольно сжались в кулак поверх папки. Название этой миссии было взято из древней скандинавской легенды о Беовульфе. Так звали легендарного монстра, который наводил ужас на жителей Севера, пока не был побежден героем викингом по имени Беовульф. Но для Виктора это имя имело другое значение. «Грендель» стал для него источником боли, стыда, унижения и скорби. «Грендель» сделал его таким, каков он сейчас. Виктор сжал кулак еще сильнее.

Прошло почти шестьдесят лет...

Он все еще отчетливо помнил, как его отца уводили посреди ночи из дома под дулом пистолета. Виктору тогда было шесть.

Сделав над собой усилие, он оторвал взгляд от ящиков и глубоко вздохнул, пытаясь развеять тяжелые воспоминания. Каюта, окрашенная в зеленый цвет, вмещала койку, книжную полку, небольшой письменный стол, умывальник и терминал связи с динамиком интеркома, монитором и телефоном.

Он поднял трубку, быстро произнес несколько фраз и замолчал в ожидании, пока его звонок, закодированный и перенаправленный через несколько терминалов, не дойдет до абонента. Наконец в трубке послышался знакомый голос, искаженный помехами:

- «Леопард» на связи.
- Статус?
- Цель поражена.
- Вы абсолютно уверены?
- Проверяем.
- Приказ вам ясен?

После короткой паузы последовал ответ:

- Никого не оставлять в живых.

Последняя фраза не требовала подтверждения. Адмирал Петков положил трубку. Операция началась.

17 часов 16 минут

Брукс-Рейндж, Аляска

Поднимаясь по склону, Мэтт пришпорил кобылу. Подъем оказался тяжелым. Соседняя долина располагалась метров на триста выше. Здесь снег все еще покрывал землю, особенно под тенью деревьев. Собаки бежали впереди, наострив уши. Они принюхивались, тыкались мордами в сугробы. Мэтт посвистывал, не позволяя им забегать далеко вперед.

Он окинул взором долину с пригорка. Над местом падения «сессны» все еще клубился дым, но его было меньше. Потерпевшего катастрофу самолета не было видно за стеной из елей и ольхи. Он прислушался. Из долины не доносилось ни звука. «Плохой знак», – подумал Мэтт и снова пришпорил кобылу.

- Вперед, Мэрайя.

Он осторожно направил лошадь вниз по склону, покрытому льдом и снегом, стараясь держаться небольшого ручейка, струящегося между деревьями. Над водой поднимался туман. Вокруг стояла напряженная тишина, нарушаемая лишь надоедливym жужжанием комаров и хрустом ледяной корки под ударами лошадиных копыт.

Даже собаки поутихли, сбившись в кучу и останавливаясь на каждом шагу, чтобы принюхаться.

Бейн как разведчик бежал примерно в пятидесяти шагах впереди группы. Темношерстый полуволок старался держаться в тени, почти сливаясь с окружающей местностью. В свое время он прошел курс специальной подготовки для участия в поисково-спасательных операциях. Обладая обостренным нюхом, он к тому же словно чувствовал, куда направляется хозяин.

Спустившись в долину, группа ускорила шаг. Теперь отчетливо ощущался резкий запах горящего машинного масла. Человек и его собаки двигались к месту катастрофы, выбирая наиболее короткий путь, но смогли добраться до упавшего самолета лишь минут через двадцать.

Они вышли из леса на широкую поляну. Пилот, похоже, попытался посадить самолет на открытом пространстве между деревьями. И ему это почти удалось. Самолет пробороздил глубокую канаву в самом центре лужайки, поросшей желтым астрагалом, но длины поляны не хватило для удачного приземления.

Обломки «Сессны-185 Скайвэгон» виднелись слева. Самолет врезался носом в осинник. Полуоторванные, погнутые крылья свешивались по сторонам фюзеляжа. Хвост загнулся вверх. Из развороченного двигателя струился дым, и в воздухе стоял резкий запах разлившегося топлива. Самолет мог в любой момент загореться.

По пути к обломкам Мэтт заметил, что над головой собрались тяжелые тучи. Сейчас дождь был бы весьма кстати. «А еще лучше, если бы среди обломков появилось какое-нибудь движение», – подумал Мэтт.

Он остановил кобылу за несколько метров от самолета и спрыгнул на землю.

Долгое время он стоял перед обломками, не решаясь заглянуть внутрь искореженной кабины. Мэтт не был брезгливым, нет. В прошлом он достаточно навидался трупов. Он прослужил шесть лет в «зеленых беретах», большей частью в Сомали и на Ближнем Востоке, прежде чем поступил в университет по ветеранским льготам.

Однако он принимал смерть слишком близко к сердцу, чтобы копаться в обломках потерпевшего катастрофу самолета, не испытывая при этом внутреннего дискомфорта.

Но кто-то на борту мог остаться в живых...

Пересилив себя, Мэтт двинулся к «сессне».

– Эй, кто-нибудь! – прокричал он, почувствовав себя неловко.

Ответа не последовало. «Ничего удивительного», – подумал Мэтт.

Он пролез под развороченным крылом, осторожно ступая по осколкам стекла. Окна кабины разлетелись вдребезги при ударе самолета о деревья. Под ногами текла струйка керосина. Дым разъедал глаза. Мэтт закашлялся, прикрыв лицо рукой.

Он безуспешно попробовал открыть дверь. Ее заклинило. Мэтт выпрямился и заглянул в кабину.

Тело пилота было пристегнуто ремнями к сиденью. Голова неуклюже свисала на грудь, из которой торчал деревянный обломок. Сиденье рядом с ним пустовало. Мэтт попытался было повернуть голову пилота, чтобы заглянуть поглубже внутрь самолета, как с ужасом осознал, что лицо погибшего ему знакомо. Темная шевелюра, всклокоченная борода, голубые глаза... теперь стеклянные, безжизненные.

– Брент, – промолвил он.

Брент Камминг... Они часто играли в покер, когда Мэтт и Дженни были еще вместе. Дженни служила шерифом эскимосских племен нунамиут и инупиат, и, так как по долгу службы ей приходилось разъезжать по самым удаленным уголкам Аляски, она стала опытным летчиком. В этом качестве она была знакома со многими пилотами, летавшими в регионе, в том числе и с Брентом Каммингом. Мэтт вспомнил, как их семьи провели вместе летний отпуск в походе, как их дети шумно веселились и играли на природе.

Что он теперь скажет Шерил, жене погибшего пилота?

Мэтт отбросил нахлынувшие воспоминания и, все еще находясь в оцепенении, просунул голову в заднее окно. На одном из сидений в глубине самолета он увидел еще одно тело. Человек лежал на спине, не подавая признаков жизни. Мэтт расстроено вздохнул, но мужчина внезапно взметнул вверх обе руки, наведя на него дуло пистолета.

– Не двигайся!

Мэтт вздрогнул, больше испугавшись неожиданного окрика, чем оружия в руках незнакомца.

– Я серьезно! Не двигайся, а то выстрелю! – повторил мужчина, приподнявшись с кресла.

Лицо его было бледным, зеленые глаза широко раскрыты, светлые волосы испачканы запекшейся кровью. Он, вероятно, сильно ударился головой об окно при падении самолета. Впрочем, руки, держащие пистолет, не дрожали.

– Стреляй, – спокойно ответил Мэтт, слегка опершись о фюзеляж.

Реакция Мэтью явно застала незнакомца врасплох. Он нахмурился.

Судя по его новенькой меховой куртке от Эдди Бауера, в этих местах он очутился впервые. Несмотря на это, в нем чувствовались мужество и стойкость, позволившие ему сохранить самообладание даже после недавней катастрофы. Это заслуживало уважения.

– Если ты опустишь свою ракетницу, – сказал Мэтт, – я, может быть, подумаю, как тебя отсюда вытащить.

После долгой паузы мужчина опустил руки и бессильно откинулся на спинку кресла.

– Я... извините...

– Не стоит извиняться. Ты только что свалился с неба. В таких редких случаях я обычно прощаю недостаток гостеприимства.

Мужчина слабо улыбнулся.

– Ты ранен? – спросил Мэтт.

– Здорово ударился головой. И нога, похоже, застряла.

Мэтт встал на цыпочки и втиснулся в окно кабины. От удара нос самолета смялся в гармошку, и правая нога незнакомца оказалась зажатой между сиденьями. «Через окно его не вытащить, – подумал Мэтт. – Придется искать другой способ».

– А что с пилотом? – спросил мужчина. – Он...

– Мертв, – завершил его фразу Мэтт. – Мы уже ничем не можем ему помочь.

Он еще раз подергал дверь и убедился, что самому ему с ней не справиться.

– Потерпи немного, – сказал он и направился к кобыле.

Ухватив лошадь за поводья, он подвел ее к обломкам самолета. Оторванная от поедания сочной травы и напуганная запахом дымящегося двигателя, Мэрайя недовольно мотнула головой.

– Спокойно, девочка, спокойно, – мягко произнес Мэтт.

Собаки, улегшиеся на траве, даже не пошевелились. Только Бейн приподнялся, наострив уши, но Мэтт жестом скомандовал ему оставаться на месте.

Мэтт протянул веревку от седла к самолету и обвязал ею покореженную дверь. Вернувшись к кобыле, он потянул ее за уздечку в сторону от самолета. Она сначала послушно последовала за ним, довольная тем, что неприятный запах больше не бьет ей в ноздри, но, отойдя на длину веревки, остановилась.

Мэтт подергал несколько раз за уздечку, но лошадь идти дальше не собиралась. Едва удержавшись, чтобы не выругаться, Мэтт подошел к ней сзади и дернул за хвост. Ему очень не хотелось делать лошади больно, но он должен был как-то заставить ее сдвинуться с места. Мэрайя заржала от боли и ударила его копытом. Мэтт упал навзничь на землю, выпустив хвост из рук. Приподнявшись, он помотал головой. У него всегда были трудности в общении с женским полом.

Внезапно Бейн, заливаясь лаем, подскочил к лошади и стал кусать ее за ноги. К Мэтью кобыла могла относиться как угодно, но с полуволком шутки плохи. Старые инстинкты дали о себе знать: Мэрайя рванулась вперед, дернув веревку.

Мэтт услышал скрежетание металла за спиной. Он откатился назад, развернувшись лицом к самолету. Фюзеляж «сесны» наклонился набок. Из самолета послышался тревожный

крик. Наконец покореженная дверь отвалилась со звуком, похожим на хлопок открываемой банки с кока-колой.

Мэрайя встала на дыбы, но Мэтт ухватил ее за уздечку и потихоньку успокоил. Ослабив подпруги, он отвел кобылу к краю поляны, скомандовав Бейну оставаться на месте.

– Хорошая девочка. Ты заслужила сегодня дополнительную порцию зерна, – сказал он, похлопав ее по крупу, и поспешил назад к самолету.

Незнакомец, похоже, сумел вытянуть ногу из ловушки между кресел и уже почти выбрался из проема двери. Мэтт помог ему спрыгнуть на землю.

– Как твоя нога?

Мужчина осторожно ощупал ее.

– Вся в синяках и мышцы свело, но переломов вроде нет.

Только сейчас Мэтт заметил, что незнакомец моложе, чем показалось сначала, – возможно, не старше тридцати.

Мэтт отвел прихрамывающего незнакомца подальше от самолета. Протянув руку, он представился:

– Меня зовут Мэтью Пайк.

– Крейг. Крейг Тиг.

Мэтт усадил парня на ствол поваленного дерева и отпихнул собак, которые вились вокруг, обнюхивая незнакомца. Он потянулся и посмотрел на дымящиеся обломки.

– Ну, рассказывай, что случилось!

После долгого молчания Крейг прошептал:

– Я не знаю. Мы летели в Дедхорс...

– Это тот, что в Прадхо?

– Да, в Прадхо-Бее, – кивнул парень, осторожно ощупывая рассеченную кожу на голове.

Дедхорс – аэропорт, обслуживающий местные нефтяные месторождения и поселок Прадхо-Бей, был расположен на самом севере Аляски, там, где Арктическая низменность, богатая нефтью и газом, окаймляет побережье Северного Ледовитого океана.

– Примерно через два часа после вылета из Фэрбенкса пилот сообщил о каких-то неполадках в двигателе. Похоже, приборы показывали утечку топлива или что-то в этом роде, что очень странно – в Фэрбенксе мы заправили полные баки.

В воздухе все еще стоял запах керосина. «Нет, топлива у них было предостаточно», – подумал Мэтт.

Брент Камминг постоянно заботился о том, чтобы двигатель его самолета находился в превосходном состоянии. Прежде чем стать пилотом, Брент долго работал авиамехаником, он знал двигатель «сессны» как свои пять пальцев. От исправности самолета зависела не только его жизнь, но и благосостояние его семьи, поэтому его машина всегда работала как отлаженный часовой механизм.

– Когда двигатель стал давать сбои, мы попытались найти место для посадки, но к этому времени уже оказались среди этих чертовых гор. Пилот... он... он попробовал запросить о помощи, но с радио тоже что-то было не в порядке.

Мэтт знал причину неполадок с радио. Всю прошлую неделю наблюдались вспышки солнечной активности. Из-за мощных магнитных бурь связь в северных регионах была очень плохая. Он снова взглянул на обломки. Трудно представить те чувства, которые испытали пилот и пассажир маленького самолета в последние моменты перед крушением: ужас, паника, отчаяние, безнадежность.

В голосе Крейга появились хрипы, и он сглотнул, чтобы продолжить:

– Эта поляна была нашей последней надеждой. А потом... потом...

Мэтт похлопал его по плечу. Продолжать рассказ не было смысла.

– Не переживай. Мы вытащим тебя отсюда. Но сначала я займусь раной на твоей голове.

Он подошел к кобыле и вытащил аптечку из переметной сумы. В ней было все необходимое для оказания первой помощи. Мэтт собрал ее сам, используя опыт, приобретенный во время службы в «зеленых беретах». Кроме бинтов, лейкопластыря и таблеток аспирина в ней был целый набор антибиотиков и лекарств против аллергии, инфекционных заболеваний и диареи, нитки для сшивания ран, материал для наложения шин и даже стетоскоп. Мэтт открыл бутылочку перекиси водорода и стал промывать рану.

– А скажи-ка, Крейг, зачем тебе понадобилось лететь в Прадхо? – спросил он, внимательно рассматривая сидящего перед ним мужчину.

Тот явно не был похож на нефтяника. Ладони этих трудяг всегда испачканы нефтью и машинной смазкой, которые навечно въелись в мельчайшие складки кожи. На ладонях Крейга он не заметил ни одной мозоли, а ногти у незнакомца были целы и аккуратно подстрижены. Возможно, он инженер или геолог, размышлял Мэтт. В том, как он внимательно изучал обстановку, бросая взгляды то на лошадь Мэтта, то на его собак, то на поляну и холмы, просматривались повадки ученого. Впрочем, на обломки самолета Крейг по-прежнему старался не смотреть.

– Мы планировали посадку в Прадхо-Бее для дозаправки, чтобы потом отправиться на научно-исследовательскую базу на полярной шапке. Это дрейфующая станция «Омега» – одно из подразделений исследовательской группы НЛЭ.

– НЛЭ?

Мэтт обработал рану дезинфицирующей мазью, наложил марлевый тампон и обмотал голову Крейга бинтом.

– «Научные ледовые экспедиции», – пояснил Крейг, поморщившись от боли, когда Мэтт завязывал узел на повязке. – Это пятилетний совместный проект ВМС США и гражданских ученых.

Мэтт кивнул:

– Кажется, я что-то об этом слышал.

Группа использовала военные подлодки для сбора научной информации не только в зоне арктической навигации, которая простиралась на сотню тысяч километров, но и в неисследованных районах Арктики.

– Но я думал, что проект завершился в девяносто девятом году. – Мэтт вопросительно посмотрел на Крейга, а тот, в свою очередь, напрягся. Мэтт продолжил: – Может быть, по мне не видно, но я инспектор природоохраны и в общих чертах знаком со всеми большими проектами по исследованию Арктики.

Крейг некоторое время изучал его внимательным, оценивающим взглядом, а потом утвердительно кивнул:

– Ты прав. Проект НЛЭ был официально закрыт, но перед этим дрейфующая станция «Омега» попала в так называемую зону относительной недосыгаемости.

«Ничейная территория», – подумал Мэтт. Зона относительной недосыгаемости считалась самым удаленным и недоступным районом Арктики.

– Для того чтобы использовать возможность изучения этого загадочного региона, правительство согласилось продолжить финансирование работ только на «Омге».

– Значит, ты ученый? – сказал Мэтт, застегивая сумку с аптечкой.

Парень невесело рассмеялся:

– Нет, я не ученый. Я направлялся туда по заданию газеты «Сиэтл таймс». Я работаю в ней политическим репортером.

– Политическим? – переспросил Мэтт.

Крейг пожал плечами.

– С чего бы...

Мэтт оборвал фразу, услышав отдаленное гудение самолетного двигателя. Он поднял голову. Небо было по-прежнему покрыто низкими тучами. Сидящий неподалеку Бейн зарычал, вслушиваясь в нарастающий гул.

Крейг поднялся на ноги.

– Еще один самолет. Наверное, кто-то услышал наши просьбы о помощи.

Небольшой одномоторник вынырнул из облаков и, не снижаясь, пролетел над долиной. Мэтт распознал увеличенную, восьмиместную версию «сессны» – возможно, «Скайвэгон-206» или «Скайвэгон-207».

Он свистом подзвал лошадь и вытащил бинокль из переметной сумы. Направив окуляры в небо, он отыскал самолет и скорректировал фокусировку. «Сессна» выглядела совершенно новой. Или недавно покрашенной. В суровых условиях удаленных районов Аляски такое было редкостью.

– Как думаешь, они нас заметили? – спросил Крейг.

Самолет наклонился на крыло и начал описывать круг над долиной.

– Трудно не заметить дым, струящийся из разбитого двигателя, – ответил Мэтт.

Он никак не мог избавиться от нехорошего предчувствия, охватившего его при виде приближающегося самолета. За всю прошлую неделю в небе не появилось ни одного самолета, а сегодня – сразу два. К тому же эта «сессна» была слишком чистенькой, слишком беленькой. Он заметил, как в хвосте самолета открывается грузовой люк. Такая деталь конструкции «скайвэгона» была очень полезна для работы в этих местах. Эти машины часто использовались для транспортировки больных и раненых в близлежащие больницы. Грузовая рампа была идеальна для погрузки и выгрузки носилок или, в худшем случае, гроба. Но кроме всего прочего, у заднего люка «скайвэгона» было еще одно предназначение...

От самолета одна за другой отделились две точки. «Парашютисты», – определил Мэтт, с трудом успевая отслеживать стремительное падение фигурок через окуляры бинокля. Наконец сверкающие ослепительной белизной парашюты раскрылись, и падение замедлилось. Теперь Мэтт мог легко рассмотреть конструкцию парашютов в виде крыла с аэродинамическим профилем. Такие системы предназначались для «точечного парашютирования» в труднодоступных местах. Парашюты медленно опускались над лугом. Мэтт перевел окуляры бинокля на фигурки парашютистов. Они были одеты во все белое, без знаков различия. За плечами виднелись винтовки, хотя с такого расстояния определить их модель было невозможно. Но не наличие оружия заставило Мэтта серьезно беспокоиться.

В душе у Мэтью похолодело, когда он увидел, что оба парашютиста сидят на мотоциклах, колеса которых покрыты металлическими шипами. Мотоциклы-снегоходы – мощные машины, способные легко передвигаться в условиях бездорожья. Или гнаться за кем-то по горам...

Он опустил бинокль, посмотрел на репортера и, кашлянув, сказал:

– Надеюсь, ты умеешь ездить верхом.

2. Кошки-мышки

Зрительский зал

6 апреля, 17 часов 36 минут

Зона относительной недосыгаемости, Арктика

Полярная станция «Омега»

«Когда же мне снова будет тепло?»

Капитан Перри пробирался между льдин и сугробов к полярной станции «Омега». Вокруг завывал пронизывающий ветер, от которого веяло пустотой и обреченностью. Так же пусто и мрачно было сейчас на душе у Перри. Здесь, на самом краю земли, ветер казался живым существом. Он не переставал дуть ни на минуту, сметая все на своем пути, как изголодавшийся зверь. Это был хищник во всем своем великолепии – безжалостный, неутомимый, от которого невозможно укрыться. Недаром старая эскимосская пословица гласит: «Убивает не холод, а ветер».

Перри упорно двигался вперед, сопротивляясь ураганному ветру. За ним на краю гигантской полыньи виднелась «Полар сентинел». Полынья обеспечивала легкий доступ подводных лодок к дрейфующей станции, построенной на ее берегу. «Полярное озеро» окружало кольцо торосов высотой в два этажа над поверхностью льда и глубиной в четыре раза больше. Зубчатые стены из плотного льда надежно защищали полынью от натиска плавучих льдин, что делало ее достаточно устойчивой. Именно это обусловило выбор места для постройки станции. «Омега» находилась всего в четверти мили от полыньи, но пройти этот путь в жестокий мороз и под ледяным ветром было непросто.

Согнувшись под натиском пронизывающего ветра, Перри вел за собой очередную смену членов экипажа, которым предстоял непродолжительный отдых на берегу. Матросы оживленно переговаривались друг с другом, а капитан подлодки одиноко шел впереди, опустив на лицо меховой капюшон арктической куртки. Его взгляд был устремлен на северо-восток – туда, где два месяца назад они обнаружили русскую базу, в тридцати милях отсюда. Перри содрогнулся, но не от холода.

«Столько мертвых...» Перед глазами стояла жуткая картина: десятки трупов бывших обитателей базы, вырубленные из ледяных могил и сложенные штабелями, как дрова. За первые две недели они обнаружили тела тридцати двух мужчин и двенадцати женщин. Некоторые из них, похоже, умерли от голода; другие встретили более жестокую смерть. Один повесился на веревке, которая промерзла до такой степени, что раскололась на мелкие кусочки при прикосновении. Но даже это был не самый худший конец...

Перри отогнал от себя мрачные мысли.

Взобравшись на гребень по вырубленным во льду ступенькам, он увидел небольшую группу длинных барачков, покрытых красным теплоизоляционным полотном. Пятнадцать барачков станции «Омега» были похожи на кровотокающую сыпь, покрывающую лед. Пар, струящийся из построек, образовывал над станцией облако тумана, подрагивавшее от гула двадцати четырех электрогенераторов. Издали станция походила на душную парилку. Пахло керосином и дизельным топливом. Порывы ветра трепали одиноко висящий на шесте американский флаг.

То тут, то там виднелись готовые к применению снегоходы и тягачи. У одного из барачков стоял бугер с полозами из нержавеющей стали.

С высоты гребня Перри вглядывался в колею, проложенную в снегу гусеницами вездеходов, которая уходила к самому горизонту, в направлении русской базы. Со времени обнаружения базы персонал «Омеги» курсировал между двумя станциями, используя все имеющиеся

средства передвижения. Сейчас примерно четвертая часть ученых и специалистов «Омеги» постоянно находилась на русской базе, похороненной в толще гигантского ледяного острова.

Колея отчетливо просматривалась в заледевшем снегу. В этой части полярной шапки ветер и эрозия образовали заструги, похожие на застывшие волны. «Крем на верхушке лимонного торта», как изящно описал это явление старший помощник. В местах, где прошли снегоходы, в застругах осталась ровная колея.

Перри понимал интерес ученых к русской базе. Он был первым, кто вошел туда с небольшой группой людей из своего экипажа – после тридцатимильного перехода по ледяному полю с «Омеги». Никто из ученых не знал, что именно обнаружили моряки в самом сердце заброшенной русской станции. Перри приказал экипажу держать информацию об их открытии в секрете и выставил охрану у входа в центральную часть базы. Только один сотрудник «Омеги» был посвящен в этот секрет – доктор Аманда Рейнольдс. Она была в составе первой группы, вошедшей на базу. Тогда он впервые увидел, как эта мужественная независимая женщина поблела от ужаса.

Предположения о том, что на экране гидролокатора они видели живое существо, не оправдались. Не исключено, что это были помехи, вызванные движением подлодки, но, возможно, и какой-нибудь хищник, скажем, белый медведь, покинувший временное убежище при приближении людей. Впрочем, последнее вызывало сомнения – разве что у станции есть еще один вход, о котором они не знают. Два месяца назад им пришлось использовать термитные заряды, чтобы растопить слой льда, под которым была похоронена станция. Позднее они прорубили с помощью пластиковой взрывчатки полынью неподалеку от русской базы, чтобы обеспечить удобный доступ американской подводной лодке.

«Лучше бы мы утопили эту проклятую базу», – думал Перри, спускаясь по гребню. Он был уверен, что она станет лишь источником неприятностей, но нарушить приказ не мог.

Перри содрогнулся от очередного порыва ветра.

От барачных посылался крик. Один из обитателей станции, одетый в синюю парку, махал им рукой. Перри поспешил вниз. Человек, в котором он узнал Эрика Густофа, канадского метеоролога, сгорбившись под натиском ветра, спешил к нему навстречу. Густоф был крепким парнем с норвежскими корнями, на которые указывали его светлые до белизны волосы и высокая фигура, хотя сейчас единственным, что в нем бросалось в глаза, были черные защитные очки и покрытые инеем усы.

– Капитан, – окликнул его Эрик, – с вами хотят поговорить по спутниковой связи.

– Кто?

– Адмирал Рейнольдс. – Эрик посмотрел на небо. – Вам стоит поторопиться. Приближается сильный шторм, а магнитная буря все еще создает помехи для систем связи.

Перри кивнул и, обернувшись к младшему офицеру, скомандовал:

– Распустите людей. У них время на отдых до полудня. Потом их сменит следующая группа.

Матросы встретили его слова одобрительными возгласами и разбежались в разные стороны. Кто сразу направился в столовую, кто – в барак, предназначенный для отдыха и развлечений, а кто – в жилые постройки поболтать со знакомыми. Капитан Перри последовал за Эриком в оперативный штаб, который размещался в трех совмещенных бараках.

– Доктор Рейнольдс послала меня поторопить вас, – пояснил Эрик. – Она сейчас разговаривает с отцом. Трудно предположить, как долго продержится связь.

Они добрались до двери штаба, смахнули снег и лед с обуви и нырнули внутрь. Их встретила жара, показавшаяся нестерпимой после ледяного холода. Перри стряхнул с рук варежки, расстегнул парку, откинул капюшон и потер ладонью кончик носа, убедившись, что тот еще на месте.

– Ну и холодина на улице! – сказал Эрик, не снимая куртки.

– Все дело во влажности, – проворчал Перри и повесил парку на вешалку, завешанную похожими меховыми куртками.

Он был в синем комбинезоне с нашивкой на грудном кармане, на которой трафаретом было оттиснено его имя. Перри свернул шерстяную шапочку и заткнул ее за пояс.

Эрик вернулся к двери.

– Вы знаете, где найти комнату со станцией спутниковой связи. Я пойду проверю внешнее оборудование, пока не началась буря.

– Спасибо.

Эрик улыбнулся и распахнул входную дверь. За время, пока они находились внутри, ветер значительно усилился. Очередной шквал ворвался в помещение и хлестнул Перри по лицу. Эрик поспешил наружу, плотно захлопнув за собой дверь.

Перри еще какое-то время продолжал дрожать от холода и потирать замерзшие руки. «И кто только соглашается пробыть в этом забытом богом месте целых два года?»

Наконец он двинулся через прихожую в помещение главного пункта управления, где находились административные отделы станции и несколько лабораторий. Лаборатории занимались измерением сезонных колебаний скорости роста и эрозии ледяной шапки, оказывающих влияние на изменение теплового баланса Арктики. Кроме этого, ученые на станции вели исследования по целому ряду проектов, начиная от определения почвенной структуры океанского дна и заканчивая наблюдениями за жизнью фито- и зоопланктона под толстым слоем льда. Исследования проводились двадцать четыре часа в сутки и не прекращались ни на минуту, а станция продолжала дрейфовать по полярным просторам со скоростью две мили в день.

Проходя по залу, Перри кивнул, приветствуя знакомых ученых, работавших за столами или склонившихся над экранами мониторов. Перед ним с шипением открылась дверь шлюзового тамбура, и он вошел в помещение, которое обеспечивало жизненно важную связь станции с внешним миром. Эта часть барака была покрыта двойным теплоизоляционным слоем и имела два запасных электрогенератора. В ней размещались коротковолновая радиостанция для связи с группами, выполняющими задания вдали от станции, низкочастотные станции для связи с подлодками и система военной спутниковой связи «Навсат». В этот момент в помещении не было никого, кроме Аманды Рейнольдс.

Когда Перри подошел к ней, она отвела взгляд от экрана портативного телефонного аппарата, работающего по принципу телетайпа, и кивнула ему, продолжая разговор с отцом. Аппарат позволял ей говорить в микрофон и читать ответы на маленьком экране.

– Я знаю, папа. Я знаю, ты с самого начала не хотел, чтобы я здесь работала. Но пойми...

Отец, похоже, недослушав ее до конца, уже говорил что-то в ответ. Она наклонилась к экрану, вчитываясь в появившиеся строчки, и покраснела. Видимо, они не первый раз ссорились по одному и тому же поводу. Отец Аманды не хотел отпускать ее на станцию, беспокоясь о том, как трудно ей будет работать с полным отсутствием слуха в тяжелых полярных условиях. Отстаивая свое право на самостоятельные решения, Аманда все же уехала в Арктику.

Впрочем, Перри подозревал, что этим поступком Аманда хотела доказать – прежде всего себе, – что способна жить в этом мире, как все нормальные люди. Он впервые встретил женщину, которая была буквально помешана на самоутверждении.

И за это приходилось платить.

Перри внимательно рассматривал ее усталое лицо с темными кругами под глазами. Казалось, за эти два месяца она успела постареть лет на десять. Вот что делают с людьми чужие тайны, промелькнуло у него в голове.

Аманда продолжала возбужденно говорить в микрофон:

– Давай поговорим об этом позже. Здесь капитан Перри.

Она затаила дыхание и покусывала губу, ожидая ответа отца.

– Ну и ладно! – резко произнесла наконец она и, сорвав с головы гарнитуру с микрофоном, протянула ее Перри. – Держи.

Он взял гарнитуру, почувствовав, как дрожат ее пальцы. Что это было – гнев, разочарование или то и другое вместе? Он прикрыл микрофон ладонью, чтобы его следующую фразу, кроме нее, никто не услышал:

– Он все еще держит информацию под замком?

Аманда фыркнула и встала со стула.

– Под электронным замком с системой голосовой идентификации и сканером сетчатки глаза. У него она хранится надежнее, чем за стенами Форт-Нокса.

Перри улыбнулся:

– Он старается сделать как лучше. Ты же знаешь, как медленно вращаются шестеренки в бюрократической машине. Такая деликатная информация должна распространяться по дипломатическим каналам с особой осторожностью.

– Но почему? Эта информация относится к периоду Второй мировой войны. После стольких лет люди должны наконец узнать о том, что произошло.

– Она оставалась тайной в течение пятидесяти лет. Я думаю, что ничего страшного не произойдет, если о ней узнают через месяц-другой. Отношения между США и Россией уже и без того натянуты; поэтому, прежде чем дать этому огласку, нужно сначала подготовить почву и сделать это деликатно.

Аманда вздохнула, посмотрела ему в глаза и покачала головой:

– Ты точно как мой отец.

Перри наклонился к ней:

– Что ж, тогда это будет уже по Фрейду.

Он поцеловал ее в губы. Она улыбнулась в поцелуе и пробормотала:

– И целуешься ты точно как он.

Он чуть не поперхнулся, рассмеявшись, и откинул голову назад.

Аманда показала на гарнитуру:

– Не заставляй адмирала ждать.

Он надел гарнитуру и поправил микрофон:

– Капитан Перри слушает.

– Капитан, надеюсь, вы хорошо заботитесь о моей дочери? – послышался в наушниках прерывающийся голос адмирала Рейнольдса.

– Конечно, сэр. Я очень стараюсь.

Одной рукой он сжал ладонь Аманды. Их близкие отношения ни для кого не были секретом, но за последние два месяца простое увлечение переросло во что-то более глубокое. Из приличия они показывали свои чувства, только когда оставались наедине. Даже отец Аманды не подозревал, что между ними что-то серьезное.

– Капитан, я буду краток, – продолжил адмирал. – Вчера мы связались с русским послом и передали ему копию вашего доклада.

– Но я думал, что мы не будем ставить их в известность до тех пор, пока...

Адмирал перебил Перри:

– У нас не было выбора. Русские каким-то образом узнали, что мы обнаружили их заброшенную полярную станцию.

– Понятно, сэр. Ну а что теперь будет с нашей экспедицией?

Последовала долгая пауза. Перри уже было подумал, что связь оборвалась из-за магнитной бури, когда адмирал снова заговорил:

– Грег...

Перри невольно напрягся, услышав, что адмирал обратился к нему по имени.

– Грег, ты должен знать еще кое-что. Возможно, сейчас я и далек от вашингтонской политической кухни, но я в ней достаточно разбираюсь, чтобы с уверенностью сказать: там что-то затевается. Шишки из АНБ⁵ и ЦРУ проводят секретные совещания по этому поводу даже ночью. Морского министра отозвали из поездки по Ближнему Востоку. Весь кабинет министров досрочно вернулся с пасхальных каникул.

– С чего бы это?

– В том-то и дело, что я не знаю. Многие решения принимаются не на моем уровне. Может быть, мне скоро станет что-то известно, а может быть, и нет. По-моему, в Вашингтоне назревает серьезная политическая буря в связи с вашей находкой, и все там пытаются понадежнее укрыться. Я впервые такое вижу.

У Перри неприятно засосало под ложечкой.

– Не могу понять. Почему?

В наушниках снова послышался искаженный помехами голос адмирала:

– Я сам не понимаю. Просто хотел тебя предупредить о том, что здесь происходит.

Перри удивленно поднял брови. Все это, конечно, очень пахнет обычной политической игрой, и он не мог не заметить озабоченности в голосе адмирала, но как это касается его?

– Капитан, есть еще одна деталь, которая случайно просочилась ко мне «сверху». Кстати, о ней мне сообщил помощник заместителя морского министра. Это одно слово, вокруг которого, похоже, и заварились вся каша.

– Что за слово?

– «Грендель».

У Перри перехватило дух.

– Возможно, это какое-то кодовое слово, название корабля, я не уверен, – продолжал адмирал. – Оно о чем-нибудь тебе говорит?

Перри закрыл глаза. Грендель... Они только сегодня обнаружили у главного входа металлическую табличку с надписью, которую раньше не замечали под слоем инея.

ЛЕДОВАЯ СТАНЦИЯ «ГРЕНДЕЛЬ»

– Грег?

Мозг Перри продолжал усиленно работать. Откуда эта информация у Вашингтона? Переводчик с «Омеги» и лингвист с «Полар сентинел» долго спорили по поводу перевода надписи на табличке, особенно ее последнего слова, но в конце концов пришли к одному и тому же мнению: это название русской полярной базы.

– Капитан Перри, вы еще на линии? – переспросил адмирал, перейдя на официальный тон.

– Да, сэр.

– Это слово что-нибудь означает?

– Думаю, да, сэр, – с трудом выговорил Перри.

Раньше он уже видел это слово, написанное кириллицей, на одной из дверей внутри станции... На той самой двери, которая сейчас по его приказу столь тщательно охранялась.

ГРЕНДЕЛЬ

До сегодняшнего дня ему не было известно, что означает это слово на проклятой двери.

⁵ АНБ – Агентство национальной безопасности США.

Теперь он это знал, но он не был первым, кто сделал это открытие.

18 часов 26 минут

Брукс-Рейндж, Аляска

Мэтт поднимался по крутому склону, придерживая Мэрайю за поводья. Крейг ехал на лошади, ухватившись обеими руками за луку седла. Мэтт решил, что им не стоит садиться на лошадь вдвоем, – во всяком случае, до тех пор, пока они не выбрались на ровное место или не достигли спуска. Он опасался, что кобыла слишком быстро устанет. Впереди собаки уже приближались к верхушке гребня, за которым лежала соседняя долина. Им не терпелось выбраться из этих мест. Только Бейн держался поблизости, наострив уши. Он словно чувствовал страх, охвативший его хозяина.

Мэтт оглянулся. Парашютисты, скорее всего, уже приземлились, но рева мотоциклов пока не было слышно. Никаких признаков погони он не заметил, хотя разглядеть что-либо за плотной стеной елей и осин было сложно.

Солнце почти скрылось в нависших над горами свинцовых облаках. Несмотря на то что светлая часть суток в апреле становилась все длиннее, на долину уже опустились сумерки.

Мэтт долго смотрел в сторону, где самолет потерпел катастрофу, но, не увидев ничего подозрительного, озабоченно нахмурился. Может быть, он ошибся... может, он стал параноиком в этих безлюдных лесах.

Крейг, очевидно, заметил его озабоченность:

– А что, если это были спасатели? Может быть, мы зря пытаемся скрыться?

Мэтт хотел было что-то ответить, но слова застыли у него на устах, когда в долине раздался взрыв, эхом прокатившийся по горам. В темное небо взметнулся огненный шар.

– Самолет... – тихо промолвил Крейг.

– Они взорвали его, – сказал Мэтт, все еще не веря своим глазам.

Он представил себе тело Брента Камминга, стертые взрывом в порошок.

– Но почему?

Подумав, Мэтт пришел к единственному заключению:

– Они заматают следы. Если неполадки в самолете возникли в результате диверсии, то нужно уничтожить все улики... А значит, и свидетелей.

Мэтт представил себе следы копыт, сапог и собачьих лап, оставленные ими на снегу. У него не было времени их замаскировать.

Из долины послышался звук, похожий на рев заводимой бензопилы, который перешел в монотонное урчание. Двигатель одного из мотоциклов ожил, а через секунду к нему присоединился второй.

Бейн глухо зарычал.

Мэтт взглянул на слабые отблески заходящего солнца. Серые тучи нависли над головой. Возможно, ночью будет сильный снегопад, о чем их преследователи тоже догадываются. Они, несомненно, попытаются догнать их до заката солнца.

– Что будем делать? – спросил Крейг.

В ответ Мэтт дернул за уздечку и двинулся вверх по склону. Он должен был найти способ задержать преследователей... хотя бы до начала снежной бури.

– Мы можем где-нибудь спрятаться? – спросил Крейг дрожащим голосом.

Он еще больше согнулся в седле, пока Мэрайя карабкалась через груды обвалившихся камней.

Мэтт не ответил. Сейчас главным было дожить до наступления ночи. Ситуация явно складывалась не в их пользу. У них была одна лошадь, у преследователей – два мотоцикла. Рев двигателей отчетливо доносился из-за деревьев. Погоня началась.

Мэтт помог кобыле взобраться на гребень. Наверху в лицо ему ударил внезапный порыв холодного ветра с юго-запада, предвещающий мокрый снег и гололед. Не мешкая, он двинулся вниз по склону в направлении временного лагеря, хотя и понимал, что здесь им не скрыться от преследователей. Он знал несколько пещер в округе, но безопасность там тоже не была гарантирована, тем более что пещеры находились слишком далеко отсюда. Нужно было придумать что-то другое.

– Ты справишься с лошады? – спросил Мэтт.

Крейг едва кивнул в ответ, хотя в глазах его мелькнул неподдельный страх.

Мэтт снял винтовку с седла и сунул коробку с патронами в карман куртки.

– Что ты собираешься делать? – спросил Крейг.

– Тебе не о чем беспокоиться. Я просто использую тебя как приманку, – ответил Мэтт и наклонился к любимому псу. – Бейн.

Собака уставилась на хозяина. Уши ее встали торчком.

Мэтт показал рукой на дно долины.

– Бейн, в лагерь! – резко скомандовал он.

Вожак стаи крутанулся волчком и бросился вниз по склону. Остальные собаки последовали за ним. Мэтт похлопал кобылу по задку, отправляя ее вслед за собаками. Некоторое время он продолжал идти рядом с лошады, давая последние наставления Крейгу.

– Держись за собаками. Они приведут тебя к моему лагерю. Спрячься где-нибудь понадежнее и не высовывай носа. Да, рядом с кучей веток для костра лежит топор. На всякий случай.

Крейг побледнел от страха, но кивнул в ответ.

Мэтт остановился и несколько секунд наблюдал, как всадник на лошади и собаки спускаются по заросшему деревьями и усыпанному валунами склону. Вскоре они исчезли из виду в густом лесу.

Мэтт развернулся и стал взбираться обратно по склону, пока не оказался метрах в двадцати от гребня. Он прыгнул с тропинки, истоптанной копытами, на обнаженный гранитный выступ, потом перепрыгнул на другой камень, не оставив следов на снегу. Оказавшись после серии прыжков с камня на камень достаточно далеко от тропинки, он спрятался за стволом ели, надежно укрывшей его под мохнатой шапкой. При этом у него был отличный обзор. Если преследователи двигаются по следам беглецов, они непременно должны появиться на гребне, и он четко различит их силуэты на фоне неба.

Опустившись на колено, Мэтт намотал ремень винтовки на запястье, упер деревянный приклад в плечо и прицелился. Он был уверен, что с такого близкого расстояния сможет нейтрализовать хотя бы одного мотоциклиста, но вот успеет ли он убраться обоим?..

Судя по звуку моторов, мотоциклы уже поднимались по склону, приближаясь к гребню, – пара хищников в погоне за добычей.

Мэтт терпеливо ждал. Кровь стучала в висках, а перед глазами крутились картинки десятилетней давности, из другой жизни, когда он прятался в здании, разрушенном минометным огнем, в Сомали. Уши заложены грохотом непрекращающейся перестрелки. Мир сжался до зеленоватых теней и серых линий в окулярах прибора ночного видения. Но больше всего пугает ожидание.

Медленно вдыхая и выдыхая воздух через рот, Мэтт заставил себя расслабиться. Напряжение может помешать даже опытному и меткому стрелку. Запах хвои от раздавленных его коленом еловых иголок напомнил ему, что это не Сомали, а знакомые ему леса.

«Это моя территория».

Тарахтение мотоциклов раздавалось где-то рядом. Под их шипованными шинами трещали сломанные ветки. «Близко...» Мэтт опустил палец на курок и плотнее прижал винтовку к щеке.

Секунды ожидания казались вечностью. Несмотря на мороз, по правому виску прокатилась капля пота. Мэтт с трудом удерживал себя от того, чтобы не прищурить левый глаз. Целиться нужно всегда обоими глазами – так учил его отец в детстве, когда они охотились на оленей в Алабаме, а потом сержант в учебном центре для новобранцев. Мэтт прерывисто дышал, не сводя глаз с гребня.

«Ну давай же, давай...»

Словно услышав его призыв, один из мотоциклов на полной скорости взлетел над гребнем, застав Мэтью врасплох – он ожидал, что их преследователи будут более осторожны.

Мэтт повел бедром, корректируя направление выстрела, и нажал на спуск. Раздался выстрел, за которым немедленно последовал звук удара металла о металл.

Пуля попала в защитный кожух заднего колеса. Мотоцикл вильнул в воздухе, ударился о землю под углом, подскочил, перевернулся и упал набок.

Мотоциклист вылетел из сиденья, закувыркался вниз по откосу и исчез в зарослях кустарника.

– Черт!

Мэтт продолжал наблюдать за гребнем, боясь пропустить появление второго мотоциклиста. Он перезарядил винтовку, подумав, что сейчас ему очень бы пригодилась автоматическая М-16 – штатное оружие времен его службы в «зеленых беретах».

Мэтт снова навел винтовку на гребень.

В ушах звенело от выстрела и грохота падения первого мотоцикла, поэтому ему казалось, что рев двигателя второго мотоцикла доносится отовсюду. Какое-то движение слева привлекло его внимание. Он резко повернулся и увидел вторую машину, перелетающую через гребень в стороне от места, где он ожидал ее появления.

Мэтт прильнул к винтовке и выстрелил, почти не целясь. В этот раз он вообще не попал в цель. Мотоцикл мягко приземлился и на полном ходу исчез между гранитными валунами.

Мэтт откинулся на ствол ели и снова перезарядил винтовку. Преследователи, предполагая возможность засады, разделились, перед тем как взобраться на гребень. Один на большой скорости перескочил через гребень, чтобы отвлечь его внимание, а второй в это время проехал в объезд. «Работают профессионалы», – подумал Мэтт.

Внезапно ветка ели в тридцати сантиметрах над его головой разлетелась в щепки. Он инстинктивно пригнулся и соскользнул спиной по стволу дерева на землю, прижав винтовку к груди. По нему стреляли, и выстрел был со стороны, где упал в кусты первый мотоциклист. «Значит, подонок остался жив...»

Мэтт лежал ничком на холодном снегу, пытаясь справиться с паникой. Снайпер явно не видел его, когда стрелял, – иначе сейчас он был бы уже мертв. Стрелок, очевидно, вычислил позицию Мэтта, когда тот стрелял по второму мотоциклисту, и своим выстрелом хотел заставить его выйти из укрытия.

– Черт...

Мэтт понял, что оказался между двух огней: один из преследователей прятался в кустах слева от него, а другой, на мотоцикле, скрывался где-то между валунами.

Мэтт вслушивался в каждый звук, тяжело дыша сквозь сжатые зубы. Рев двигателя сменился ровным урчанием. Что бы это значило? Может быть, мотоциклист ждет, когда он вылезет из-под ели? А может быть, он оставил мотоцикл с работающим мотором и подыскивает сейчас более удобную позицию для стрельбы?

Как бы там ни было, Мэтт больше не мог оставаться на месте.

Тихо выругавшись, он заскользил на спине вниз по склону, пользуясь тем, что снег усыпан толстым слоем опавшей хвои. Не поднимая головы, он съехал по скользким иголкам в маленькую канаву, по которой стекал ручеек талой воды. Его шерстяные брюки тут же намокли, но старая армейская куртка, к счастью, не давала воде просочиться выше.

Лежа в канаве, он вслушивался в звуки окружающего леса. Двигатель мотоцикла продолжал зловеще урчать. Других звуков слышно не было. Похоже, его преследователи не собирались выдавать свои позиции. Будучи профессионалами – не важно, военными или наемниками, – они действовали в хорошо отлаженном тандеме. Это означало, что журналист пока что в относительной безопасности. Преследователи не оставили бы вооруженного противника у себя за спиной. Сначала они должны были избавиться от Мэтью.

Мэтт обдумывал возможные варианты выхода из сложившейся ситуации. Их было не много. Он мог спастись сам и оставить Крейга на расправу наемникам. Что-то подсказывало ему, что их главная цель – журналист, а сам он может легко скрыться от преследователей в знакомых ему лесах. Но такое решение было неприемлемым – с журналистом остались его собаки.

Мэтт снова заскользил вниз по руслу ручейка. Холод заставил его забыть о страхе. Лучшего способа «прочистить мозги», чем опуститься пятой точкой в ледяную воду, просто быть не может.

Он старался двигаться как можно более бесшумно.

Метрах в тридцати вниз по склону русло заканчивалось небольшим уступом высотой примерно в два метра. Он перевернулся на живот и съехал с края уступа ногами вперед, удерживая винтовку над головой, чтобы на нее не попали вода и грязь.

Это было ошибкой.

В тот момент, когда он поехал вниз, пуля ударила по винтовке и вырвала ее из его рук. В попытке уберечь винтовку от загрязнения он поднял ее слишком высоко, выдав свое местоположение. Мэтт жестко приземлился в мелком озерце из талой воды и прижал к груди поврежденную резким рывком руку.

Он быстро огляделся и увидел винтовку, лежащую на снегу рядом с водой. Пуля расщепила деревянный приклад, но в целом оружие не пострадало. Схватив винтовку, Мэтт побежал вдоль короткой каменной стены, даже не пытаясь укрыться. Он с шумом продирался сквозь кусты, наступая на разбросанные по снегу ветки. Впереди показался крутой откос, изрезанный овражками и ложбинами и заваленный обломками камней, – здесь когда-то сходил ледник.

Преследователей не было видно, но Мэтт знал, что они где-то рядом – возможно, бегут сейчас по склону к обрыву, с винтовками на плечах, готовые пристрелить намеченную жертву при первой возможности.

Он снова бросился бежать, стараясь держаться поближе к стене скалы. Солнце уже почти зашло, а низкие тучи покрыли вершины гор. Быстро темнело, но ему хотелось, чтобы ночь наступила еще скорее. Он выбежал к откосу и нырнул за огромный валун.

Отдышавшись, он осторожно выглянул из-за каменной глыбы. В опустившихся сумерках трудно было что-либо разглядеть. Глубокие тени теперь играли на руку преследователям. Он долго вглядывался в пространство над краем обрыва, но ничего подозрительного не заметил. Мэтт уже собирался отвернуться, как боковым зрением уловил легкое движение теней.

Он невольно пригнулся. Кто-то спускался по скале, прячась за каменными глыбами. Прежде чем Мэтт успел вскинуть винтовку, фигура исчезла в темноте у подножия скалы.

Он поводит стволом из стороны в сторону, держа винтовку на вытянутых руках. С разбитым прикладом надеяться на точную стрельбу не приходилось.

Со склона вновь раздался звук двигателя. Мотоцикл взревел, прибавил обороты и рванулся с места.

Мэтт прислушался – похоже, мотоциклист пытался обойти его слева, заехав за откос. Второго преследователя он по-прежнему не видел, но знал, что тот где-то поблизости. Оставаться здесь было опасно.

Вновь приникнув спиной к валуну, он вгляделся в окружающий ландшафт. Откос был покрыт низкими зарослями кустарника, поблекшей травой и пятнами оленьего мха. Деревья

встречались редко. В центре небольшой поток каскадами спадал с вершины горы. Над ним клубился сумеречный туман.

Пригнувшись, Мэтт бросился вниз по откосу в надежде незаметно добраться до горного ручья. Нужно было как-то оторваться от преследователя. Прыгая с камня на камень, он вскоре оказался у потока. На камнях остались отчетливые следы его мокрых грязных ботинок.

Мэтт вошел в ледяную воду. От холода перехватило дух. Он стал взбираться вверх по ручью – туда, откуда только что сбежал по склону. Несмотря на то что вода доходила ему только до колен, идти по скользким камням было трудно, к тому же течение было достаточно сильным. Спотыкаясь и еле удерживая равновесие, он спешил к виднеющемуся метрах в десяти водопаду.

Шум падающей воды заглушал посторонние звуки, только откуда-то слева по-прежнему доносилось монотонное урчание мотоцикла.

Тяжело передвигая занемевшие от холода ноги, Мэтт добрался до каменного гребня. Вода падала сплошным потоком с двухметровой высоты. Взывая к небесам о том, чтобы они послали ему удачу хоть один раз за весь этот злополучный день, Мэтт просунул руку в водяную стену и с облегчением почувствовал, что за ней – пустое пространство. Раньше он часто встречал водопады, в которых вода с годами вымывала в гранитных стенах небольшие ниши, и надеялся, что и этот каскад не будет исключением. Он не ошибся.

Мэтт развернулся и втиснулся спиной в каменный альков. От погружения в ледяную воду ему стало не по себе, но через мгновение он уже стоял за водной стеной, сгорбившись, на полусогнутых, широко раздвинутых ногах. За потоками бурлящей воды его не было видно, хотя сам он мог наблюдать за тем, что происходит вокруг.

Мэтт терпеливо ждал, прижав винтовку к груди. Находясь без движения, он все сильнее чувствовал пробиравший до мозга костей холод. «Скоро наступит шок от переохлаждения», – подумал он, непроизвольно клацая зубами. Он надеялся только на то, что преследователи, будучи профессионалами, быстро обнаружат его следы.

Внезапно нахлынули воспоминания о дне трехгодичной давности, очень похожем на этот... Тогда он промерз и вымок еще больше. Зима в том году затянулась, и люди радостно встретили долгожданное потепление. Казалось, все жители Аляски отправились на природу. Он и его семья тоже решили побродить по заснеженным горам, побаловаться зимней рыбалкой. Но стоило ему только отвлечься...

Мэтт зажмурился, почувствовав внезапную боль в груди.

В тот день он чуть не замерз до смерти, метаясь в беспамятстве по замерзшей реке и прорубая топором полыньи во льду. Все его усилия оказались напрасными – тело его восьмилетнего сына, провалившегося под лед, нашли только через два дня далеко вниз по течению.

«Тайлер... Прости меня...»

Усилием воли он открыл глаза.

«Не время для скорби...»

Прикосновение ледяной воды вновь пробудило воспоминания, вмерзшие в каждую частичку его тела и души... Лишь те, кто знает, что значит потерять сына или дочь, способны понять всепроникающую мучительную боль, похожую на удар ножа, которая возникает даже при мимолетном воспоминании об этом.

«Тайлер...»

Движение за пеленой воды вернуло его в настоящее. Справа между камнями показалась темная фигура. Мэтт наблюдал за ней с холодной решимостью, порожденной гневом и безысходностью.

Наемник шел по следам Мэтью, с осторожностью передвигаясь от укрытия к укрытию. На плече у него висела винтовка, а в руке он держал пистолет. Он сбросил свой белый комбинезон

и остался в камуфляжной форме и черной шерстяной шапочке, почти слившись с окружающей местностью.

Мэтт поднял винтовку, раздвинув плотную завесу воды. Он даже не пытался целиться в мелькающую между камнями фигуру. С разбитым прикладом надеяться на точный выстрел было по меньшей мере неразумно. Вместо этого он направил ствол на открытое пространство между валунами, туда, где он вошел в ручей несколько минут назад.

Наемник осторожно выскользнул из-за укрытия, пригнулся и оглядел противоположный берег ручья. Не увидев следов, он посмотрел вниз по течению, раздумывая о том, в какую сторону направилась его жертва – может быть, снова вниз по руслу ручья? Преследователь выпрямился, всматриваясь в сумеречный полумрак. Он был высокого роста и крепкого телосложения.

Мэтт медленно опустил палец на спусковой крючок и до боли напряг мышцы руки, чтобы удержать винтовку в устойчивом положении. Почувствовав что-то неладное, наемник резко развернулся. Лицо его побелело, когда он увидел ствол, выступивший из водяной стены всего в десяти метрах от него. Мэтт нажал на спуск.

Выстрел оглушил его, а сила отдачи чуть не вырвала винтовку из рук. Что-то просвистело рядом с ухом. Мэтт не обратил на это внимания. Перед глазами была только цель.

Взмахнув руками, наемник отлетел к гранитному выступу, ударился спиной о каменную стену и, как мешок, свалился на землю. Пистолет отбросило в сторону.

Мэтт бросился к врагу еще до того, как тот коснулся земли. Он попытался перезарядить винтовку на ходу, но механизм заело. Он дернул затвор еще раз – безрезультатно. Похоже, оружие было повреждено намного серьезнее, чем он предполагал, – слава богу, хоть не взорвалось в руках при выстреле.

Он бежал изо всех сил по ручью к наемнику, который, несмотря на шок, пытался выхватить винтовку из-за спины. Мэтт неслись огромными прыжками, подгоняемый быстрым течением. Поздно – противник успел высвободить винтовку и направил ствол ему в грудь.

Мэтт дернулся в сторону в прыжке и, размахнувшись, ударил стволом своей винтовки по оружию наемника. Вместе со скрежетом металла о металл раздался выстрел. Плечо Мэтта обожгло. Он вскрикнул от боли, но тело его по инерции уже врезалось в наемника. Ему показалось, что он налетел на кирпичную стену – противник был килограммов на пятнадцать тяжелее. От удара винтовка вылетела у наемника из рук и, бряцая о камни, скатилась в ручей.

Мэтт скатился с тела противника и попытался ударить его ногой с разворота, целясь в лицо, но тот успел увернуться, несмотря на рану в груди. Впрочем, крови на его одежде не было.

«Бронежилет», – догадался Мэтт.

Противник поднялся и оказался на корточках, лицо его было перекошено яростью. Одной рукой он ощупывал дырку в камуфляжном костюме.

«Что, все равно больно, козел?» – промелькнуло у Мэтью в голове.

В руке наемника блеснуло широкое лезвие клинка. Швейцарский армейский нож.

Мэтт ухватился за ствол винтовки, держа ее в вытянутой руке, как шпагу. Плечо горело, но он не обращал внимания на боль. Он встал в позу фехтовальщика, стараясь максимально уменьшить площадь уязвимой поверхности тела.

Противник рассматривал Мэтью налитыми кровью глазами. Его лицо исказилось в зверином оскале. Зубы сияли белизной, и Мэтт подумал, что его хозяева, вероятно, не жалели денег на зубную медицинскую страховку.

Наемник бросился на него без предупреждения, пытаясь нанести удар ножом снизу вверх. Профессионал. Другой рукой он прикрывал тело от винтовки Мэтта.

Мэтт отступил на два шага назад. Свободной рукой он держался за брючный ремень. Он выхватил из кожаного футляра газовый баллончик, отбросил крышку и выпустил мощную струю аэрозоля, предназначенного для отпугивания медведей, в лицо наемника.

Эффект был сравним с выстрелом в упор из пушки.

Откинув голову назад и выпустив нож из рук, нападающий упал на колени. Через мгновение он издал нечеловеческий крик, переходящий в хрип. Наемник, вероятно, успел вдохнуть аэрозоль в момент попадания, и тот сейчас сжигал его легкие и гортань. Он царапал руками глаза и лицо, раздирая щеки до крови.

Мэтт отступил назад. Эта смесь слезоточивого газа и перечного порошка в десятки раз сильнее, чем та, что обычно используется полицией. Она способна свалить с ног здорового медведя, не говоря уже о человеке. Слепленный болью, наемник метался в судорогах, как пойманная рыба на палубе траулера. Но даже в таком состоянии он не полностью потерял рассудок и медленно продвигался к холодному ручью. Внезапно тело его согнулось пополам, и его стошнило. Чуть не задохнувшись от спазма, наемник упал на землю рядом с ручьем и, постанывая, свернулся калачиком.

Мэтт поднял с земли армейский нож. Он подумывал о том, чтобы перерезать наемнику глотку, но потом отбросил эту мысль как проявление излишнего великодушия. Противник больше не представлял опасности, да и шансы выжить после такой дозы аэрозоля у него были невелики. В лучшем случае он останется инвалидом и уродом до конца своих дней. Что ж, Мэтт несколько об этом не жалел, вспоминая обломки «сессны» с распростертым на пилотском сиденье телом Брента Камминга.

Мэтт отвернулся, ощупывая свою рану. Пуля лишь слегка задела плечо, не затронув кость.

В отдалении рев мотоцикла поутих. Возможно, второй преследователь услышал вопли своего партнера? Или предположил, что это кричит в агонии их жертва?

Мэтт хотел захватить с собой винтовку поверженного врага, но ее уже снесло вниз по течению. Тратить время на поиски он не стал, опасаясь, что с минуты на минуту на месте схватки может появиться второй наемник. Он решил немедленно вернуться в лагерь, забрать собак, лошадь и журналиста и отправиться в единственное обитаемое место в этом районе, которое он хорошо знал. Не важно, если его там никто не ждет и его появлению не будут рады, — им придется приютить его на время.

Судя по звуку двигателя, мотоцикл вновь прибавил обороты, напомнив Мэтью, что на пути к осуществлению его плана осталось еще одно препятствие. Он пересек откос, удаляясь от второго преследователя. Лагерь находился в двух милях отсюда, зато на другой стороне камнепада. Пока мотоциклист обнаружит своего партнера, объедет камнепад по горам и продолжит погоню, Мэтт и его команда будут уже далеко.

С этой мыслью Мэтт вернулся в густой лес и бегом направился к временной стоянке. Бежать было трудно — казалось, намокшая одежда превратилась в мешки с цементом. Впрочем, через какое-то время он почувствовал, как от физического усилия по телу разливается тепло, и с удовлетворением отметил, что опасность переохлаждения миновала. А в лагере он переоденется в сухое.

Начался снегопад. Хлопья снега были крупными и тяжелыми, предвещая снежную бурю. Минут через десять снег повалил плотной стеной, ограничив видимость до двух метров. Но Мэтт хорошо знал эти хвойные леса. Он выбежал к покрытому льдом берегу речки на дне долины и направился вниз по течению к лагерю. Через несколько минут он увидел следы копыт, слегка запыленные снегом.

Бейн был первым, кто встретил его на подходе к привалу. Полуволок чуть не снес его с ног, радостно бросившись навстречу.

— Да-да, я тоже рад тебя видеть.

Мэтт похлопал собаку по боку.

Мэрайя мирно паслась на берегу ручья, поедая молодые побеги камыша. К нему тут же подскочили остальные собаки из упряжки, но журналиста нигде не было видно.

– Крейг?

Репортер осторожно высунулся из-за куста. В руках он держал небольшой топор. Было видно, что он несказанно рад возвращению Мэтта.

– Я... я не знал, что происходит, – пробормотал Крейг. – Я слышал выстрелы... крики...

– Это был не я. – Мэтт подошел к журналисту и забрал у него топор. – Но нам еще предстоит выбраться из этого дремучего леса.

Над долиной по-прежнему раздавалось тарахтение мотоциклетного двигателя. Мэтт посмотрел на густые, заснеженные ели, окружающие их со всех сторон. «Нет, из леса мы еще явно не выбрались».

– Что же мы будем делать?

Крейг тоже прислушивался к гулу, который становился все отчетливее. Он невольно перевел взгляд на исковерканную винтовку за плечами Мэтью. Мэтт забыл, что винтовка все еще у него на спине.

– Сломана, – пробормотал он и направился к центру лагеря, где хранились его запасы.

Он порылся в ящике, выбирая самое необходимое. Путешествовать придется налегке.

– У тебя есть другое оружие? – спросил Крейг. – Или мы сможем оторваться от мотоцикла на лошади?

Мэтт отрицательно мотнул головой, ответив на оба вопроса сразу.

– Но что же нам делать? – настаивал репортер.

Мэтт наконец нашел то, что искал, и положил предмет в сумку. «Спасибо, что хоть эта штука в целости и сохранности».

– А куда пропал второй мотоцикл? – с дрожью в голосе спросил Крейг.

Мэтт выпрямился.

– Не беспокойся. На этот счет есть одна эскимосская пословица.

– Какая?

– Здесь, на Аляске, выживают только сильнейшие. Да и тех иногда убивают.

Слова его явно не утешили репортера из Сиэтла.

22 часа 48 минут

На голове у Степана Юргена был прибор ночного видения, позволяющий ему вести мотоцикл в темноте с выключенными фарами, хотя снежная буря ограничивала видимость до десяти метров. Падающий плотной пеленой снег в окулярах прибора походил на зеленоватый туман.

Мотоцикл-снегоход уверенно взбирался по разбитой тропинке, разбрасывая по сторонам каскады снежных комьев и колотого льда. Снегопад ухудшал видимость, но упрощал преследование. На свежем снегу были отчетливо видны следы. Он насчитал следы одной лошади и четырех собак. Оба беглеца ехали на лошади. Один из них периодически соскакивал с кобылы и вел ее под уздцы в наиболее опасных местах.

Степан внимательно вглядывался в следы, боясь, что группа может разделиться. Но беглецы пока держались вместе.

Отлично. Такой расклад ему на руку.

Он с трудом сдерживал ярость. Михаил был его младшим братом. Час назад Степан обнаружил его истерзанное тело на берегу ручья. Михаил был почти без сознания от боли; его лицо превратилось в кровавое месиво. Сердце Степана разрывалось на части, когда он спустил курок, но выбора не было – он подчинился строгому приказу. Он утешал себя лишь тем, что облегчил мучения брата.

Степан пометил лоб кровью Михаила. Теперь эта погоня перестала быть для него простым заданием найти и уничтожить цель. Она превратилась в личную вендетту. Он вернется с ушами и носом проклятого американца и вручит их отцу во Владивостоке. За Михаила... За то, что американец сделал с братом. Он поклялся в этом на крови Михаила.

Ранее Степан сумел рассмотреть свою жертву через прицел снайперской винтовки: высокого роста, песочного цвета волосы, обветренное лицо. Американец оказался достойным противником, но это не пугало Михаила. Он был на десять лет младше Степана и лишь недавно стал бойцом секретного спецподразделения «Леопард». Ему не хватило сурового боевого опыта, которым обладал старший брат. Он лишь львенок по сравнению со Степаном. Зная теперь, с кем имеет дело, Степан не собирался недооценивать противника. Он поклялся на крови брата, что захватит американца живьем и порежет его тело на куски, пока тот еще будет дышать. Его дикие вопли услышит сама Россия-матушка.

Степан поднимался все выше по заросшему деревьями оврагу, замечая, что следы на снегу становятся все отчетливее. Лицо его посуровело – дистанция сокращалась. Опытный охотник, прошедший подготовку в заснеженных горах Афганистана, он без труда ориентировался на незнакомой местности и умел читать следы. По его предположениям, до беглецов оставалось не больше ста метров.

Степан взобрался на очередной пригорок и выключил двигатель. Он слез с мотоцикла, поправил винтовку на спине и вытащил из сумки на боку машины новое оружие. Пришло время заняться настоящей охотой. Степан вырос в Сибири и знал, что такое мороз, снег и лед. Охота в снежную пургу была для него обычным делом.

Отсюда он собирался последовать за беглецами пешком... Но сначала нужно посеять среди них панику, заставить их действовать инстинктивно.

Как и любое животное, человек в панике допускает ошибки.

Он сдвинул на лоб окуляры прибора ночного видения, взвалил на плечо тяжелое оружие и, удовлетворившись показаниями индикаторов расстояния и угла наклона на дисплее прицела, нажал на спусковой крючок.

23 часа 2 минуты

Крейг дрожал от холода, прильнув к сидящему впереди ездоку. Широкая спина инспектора природоохраны защищала его от пронизывающего ветра, но от этого было не легче.

По дороге Мэтт продолжил разговор о случившемся.

– Я не понимаю, – сказал он. – Это все не случайно. Может быть, это связано с твоим репортажем? Или есть какая-то другая причина?

– Не знаю, – уже в десятый раз повторил Крейг, с трудом выдавливая слова через шерстяной шарф, обмотанный вокруг нижней части лица.

У него не было ни малейшего желания разговаривать об этом. Все его мысли были о том, как согреться. «Черт бы побрал это дурацкое задание...»

– Если ты действительно являешься целью наемников, то чем же их так напугал твой репортаж?

– Я не знаю. В Сиэтле я обычно занимался освещением выборов в муниципалитет и добавлял местный колорит в новостные сообщения Ассошиэйтед Пресс из штата Вашингтон. Редактор поручил мне это задание только из-за того, что хотел мне насолить. Подумаешь, я какое-то время встречался с его племянницей. Ну и что? Ей, в конце концов, было уже двадцать, а не двенадцать.

Мэтт задумчиво пробормотал:

– Политический репортер. Странно, с чего бы это на научно-исследовательской станции потребовался журналист, занимающийся политикой?

Крейг вздохнул. «Пристал как банный лист». Решив покончить с этим разговором, он наконец развязал язык и рассказал Мэтью все, что знал о своем задании:

– Двоюродная сестра одного из морских биологов на дрейфующей станции работает в нашей газете. Она получила от него телеграмму, в которой тот упомянул об очень интересном открытии. Что-то по поводу заброшенной полярной базы, на которую натолкнулись ученые. Они там нашли что-то такое, что вызвало большой переполох на самом верху, и военные запретили персоналу станции упоминать об этом под угрозой наказания за разглашение государственной тайны.

– Даже так? И все-таки этот биолог каким-то образом умудрился передать эту информацию в газету.

Крейг кивнул:

– Меня послали, чтобы разузнать, насколько соответствует действительности эта история об открытии, якобы представляющем национальный интерес.

Мэтт вздохнул:

– Ну уж чей-то интерес оно точно привлекло.

Крейг криво усмехнулся, но с облегчением заметил, что его попутчик впал в глубокие размышления и больше его не тревожил. Гул мотоцикла куда-то пропал. Может быть, они оторвались от погони? Может быть, преследователь решил, что гнаться за ними бесполезно, и повернул назад?

Мэтт оглянулся, натянув поводья.

После того как тарыхтение мотоцикла прекратилось, лес погрузился в глубокую тишину, а тени еще больше сгустились. Снег падал на деревья с мягким шелестом, похожим на шепот. Мэтт остановил лошадь, приподнялся на стремянах и, прищурившись, поглядел назад.

Тишину вдруг разорвал резкий свист.

– Что за... – начал было Крейг, развернувшись всем телом на звук.

Мэтт схватил его за плечи и рванул из седла. Они кубарем скатились в снег. От удара о землю у Крейга перехватило дыхание, и он закашлялся.

– Что за черт?

Мэтт сунул его головой в снег, навалившись сверху.

– Лежи и не двигайся, – прорычал он.

В нескольких метрах от них вверх по тропинке раздался взрыв. В небо взметнулись фонтаны снега, комья земли и поломанные ветки. Листья и иголки с ближайших деревьев посыпались на землю.

Кобыла, заржав от страха, встала на дыбы. Мэтт еле успел схватить ее под уздцы. Собаки бешено метались вокруг, заливаясь лаем.

Крейг попытался подняться.

– Вставай-вставай, шевелись!

Мэтт помог ему встать на ноги и подтолкнул к лошади.

– Что это было? – спросил Крейг.

– Граната... у этого сукина сына есть чертов гранатомет.

Звон в ушах уже почти исчез, и Крейг попытался осмыслить для себя эту новость. Он поспешил взобраться в седло. В горах стало тихо. Даже звука мотоцикла не было слышно.

– Он теперь пойдет за нами пешком, – пояснил Мэтт. – У нас мало времени.

Он свистом подозвал разбежавшихся собак. Одна из них прихрамывала. Мэтт наклонился, чтобы осмотреть раненого пса.

Крейг нетерпеливо проговорил:

– Да что ты с ним возишься? Оставь его здесь.

Мэтт со злостью взглянул на него и вновь занялся маламутом. Он пощупал поврежденную лапу, погладил пса по голове и прошептал ему на ухо с облегчением:

– Простое растяжение, Саймон.

Поднявшись на ноги, Мэтт подхватил лошадь под уздцы и свел ее с протоптанной оленями тропы, по которой они до сих пор шли.

– Куда мы направляемся? – спросил Крейг, нервно оглядываясь и прислушиваясь к каждому звуку в ожидании свиста очередной гранаты.

– Этот козел пытается нас запугать и сбить с пути, – невозмутимо пояснил Мэтт.

«Меня-то он уж точно напугал», – подумал Крейг.

Они углубились в густой лес, пробираясь по глубоким сугробам. Крейгу то и дело приходилось уклоняться от веток, с которых на спину падали комья снега. Двигались они медленно, слишком медленно, но Мэтт, похоже, знал, что делает.

– И куда мы теперь? – снова спросил Крейг, стряхивая с плеч очередную порцию снега.

– Навестить моих старых знакомых, если они все еще там, где я их видел в последний раз.

23 часа 28 минут

Степан сидел на корточках у тропинки, внимательно изучая следы, оставленные беглецами. Белый комбинезон и белые меховые перчатки делали его едва заметным на снежном покрове. Впрочем, через окуляры прибора ночного видения окружающий ландшафт представлялся ему скоплением линий и силуэтов, окрашенных в оттенки зеленого. Группа, явно напуганная взрывом гранаты, свернула с тропы влево. «Отлично», – подумал Степан. Все было так, как он и планировал.

Он последовал за беглецами, двигаясь быстро и бесшумно. В прошлом он часто охотился на волков на холмах, окружающих его родной город, и хорошо знал, как преследовать добычу в лесу, незаметно перебегая от укрытия к укрытию. Это умение, вкупе со спецподготовкой, делало из него настоящего убийцу-профессионала.

Он не собирался больше пользоваться гранатометом и оставил его у мотоцикла. Ему было достаточно винтовки и охотничьего ножа, которым он собирался снять кожу с американца, убившего его брата. Судя по свежим следам, беглецы по-прежнему двигались плотной группой из двух человек, лошади и четырех собак.

Прежде чем оставить мотоцикл на пригорке, Степан доложил начальству по радио о положении дел. Снежная буря не давала возможности выслать подкрепление, но он заверил лейтенанта, что в этом нет никакой необходимости, и пообещал, что к полуночи задание будет выполнено. Детали его эвакуации на следующее утро были согласованы заранее.

Степан осторожно двигался по снегу, избегая возможных ловушек, но, похоже, напуганные взрывом беглецы даже и не пытались устроить ему засаду.

Через четверть мили он натолкнулся на место, где снег был сильно разворошен. Возможно, лошадь поскользнулась на промерзшей земле и сбросила ездоков. Было бы неплохо, если бы они поломали себе пару костей, со злобой подумал Степан.

Он быстро осмотрел подозрительное место и убедился, что следы по-прежнему ведут в одну сторону. Они были совсем свежие – вдавленное в землю месиво еще не успело покрыться ледяной коркой. Степан отставал от беглецов минут на пять, не больше.

Он выпрямился, почувствовав неприятный запах. Должно быть, где-то поблизости валялись останки какого-то зверя. «К утру здесь добавится падали», – подумал он.

Предположив, что находится уже достаточно близко к беглецам, чтобы использовать диапазон теплового излучения, он щелчком переключил прибор ночного видения в инфракрасный режим, который позволял отслеживать цели по тепловому контуру. Оттенки зеленого исчезли, и окружающий мир погрузился в темноту. Он покрутил головой, пытаясь обнаружить источники тепла. В хорошую погоду дальность действия прибора доходила до ста метров, но в снегопад его эффективность уменьшалась примерно вдвое. Степану удалось разглядеть лишь расплывчатое пятно, мерцающее красноватым светом на самой границе поля зрения прибора.

Он улыбнулся и снова переключился в режим ночного видения, чтобы продолжить преследование. Степан торопился, зная, что добыча находится совсем рядом, и не заметил тонкой белой нити, пересекающей его путь. Зато он почувствовал, как нить натянулась и разорвалась, когда он зацепил ее ногой.

Он мгновенно нырнул в ближайший сугроб, ожидая взрыва или удара тяжелым предметом. Резко обернувшись, он успел заметить в зеленоватом спектре окуляров, как что-то упало с ветки, нависшей над тропой, и со звоном разбилось о камень под деревом.

Степан инстинктивно прикрыл лицо руками, сбив в сторону окуляры прибора ночного видения, и попытался уклониться. Брызги какой-то жидкости заплескали нижнюю часть его комбинезона.

Он посмотрел на ноги. «Кровь...» – предположил он, увидев красные пятна на белой ткани. На мгновение по спине пробежал холодок, но, не почувствовав боли, Степан облегченно заключил, что кровь – не его.

И тут в нос ему ударил мерзкий запах. Когда-то давно, еще в Афганистане, он пробирался по тоннелям, прорытым боевиками, и натолкнулся на кучу трупов, исковерканных взрывом бомбы, начиненной шрапнелью. Кровь, разбросанные повсюду внутренности, мухи, белые черви, летняя жара... Вонь, источаемая растерзанной плотью, которая разлагалась в течение недели, стояла невыносимая. Но этот запах был в сотни раз хуже.

Почувствовав непроизвольные рвотные позывы, Степан попытался отползти подальше от ловушки, но запах неотступно преследовал его, обволакивая плотным облаком и проникая во все поры тела.

Степана стошнило. В слезящихся глазах черно-белый мир вращался, как карусель. Тени и снег. Снег и тени.

Однако, будучи закаленным в боях ветераном, Степан не собирался сдаваться. Он тщательно выскреб снегом комбинезон, с трудом поднялся на ноги и неуверенной походкой направился по следам. Если ублюдки надеялись остановить его какой-то бомбой-вонючкой, то они жестоко просчитались, думал он. В свое время его научили, как защищаться от атак с использованием слезоточивого газа, а то и чего похуже. Сплюнув, он снова надвинул на глаза окуляры ночного видения.

Первым делом Степан переключился в инфракрасный режим и осмотрелся. Вокруг царил крошечный мрак. Не сдержавшись, он выругался. Ну ничего, пусть беглецы и сумели оторваться от него, но он все равно их догонит по свежему следу, который ведет к скалистым вершинам.

Он уже собирался снова включить ночное видение, как в окулярах внезапно появилось красноватое свечение. Тепловое пятно было ярким и четким. Степан удовлетворенно усмехнулся. Похоже, ветер разорвал снежную пелену и поле зрения прибора увеличилось. «Значит, они ушли не так далеко», – подумал он и двинулся к источнику тепла.

Сделав несколько шагов, он вдруг заметил, что пятно быстро увеличивается... Слишком быстро! Степан остановился. Красноватое пятно росло на глазах, явно превышая размеры человеческого тела. Может быть, они скажут к нему на лошади? Неужели они надеялись легко справиться с ним после примитивной попытки поиграть в химическую войну?

Степан прищурился. Если так, их ждет большой сюрприз. Недооценивать способности солдата элитного подразделения российского спецназа было серьезной ошибкой.

Он посмотрел по сторонам и, к своему удивлению, заметил второе пятно, приближавшееся к нему слева. Нахмурившись, он повернулся назад – оттуда к нему двигались еще два пятна.

«Что за чертовщина?»

Степан присел на корточки в повисшем над ним зловонном облаке. Четыре массивных силуэта продолжали приближаться со всех сторон. Каждый из них был больше, чем лошадь. Вскоре к ним присоединились еще два.

Теперь он уже знал, с кем столкнулся.

«Медведи... Судя по размеру – гризли».

Он переключился на ночное видение. Снегопад усилился. Над лесом стоял зеленоватый туман. Медведей не было видно. Степан снова перешел на инфракрасный диапазон и убедился, что они по-прежнему приближаются.

«Их что-то сюда манит... Запах!» Из груди его вырвался невольный стон.

Он стал беспорядочно переключаться с ночного на тепловое видение, но, осознав бесплодность своих действий, выхватил из-за спины винтовку и направил ее в сторону одного из красных пятен. Вокруг слышался треск ломающихся веток и хруст снега под тяжелыми стопами. Степан выстрелил в приближающееся пятно.

Звук выстрела заставил трех медведей остановиться, однако тот, в которого он целился, издал ужасающий рев, отчего кровь застыла в жилах, и ринулся в атаку с удвоенной решимостью. Подхватив его рев, вся группа бросилась на Степана.

Он продолжал стрелять в приближающиеся красные пятна, но ничто уже не могло остановить приведенных в бешенство хищников. Сердце гулко колотилось в груди, дыхание перехватило, а дикий рев помутил его сознание.

Степан сорвал с головы прибор ночного видения, пригнулся и, вращаясь на месте, принялся беспорядочно палить в темноту.

«Ну где же вы... где... где?..»

Внезапно из снежной пелены вынырнули темные силуэты. Они приближались к Степану с невероятной скоростью и грацией, как чудовищные создания из кошмарного сна. Ведомые скорее инстинктом, нежели яростью, медведи всем скопом накинулись на добычу.

23 часа 54 минуты

Мэтт стоял рядом с кобылой, придерживая ее за поводья и прислушиваясь к крикам наемника, доносящимся из глубины леса. Очень скоро вопли оборвались. Он развернулся, потянул Мэрайю за уздечку, помог ей взобраться на последний пригорок и стал спускаться в темнеющую впереди долину. К утру он хотел оказаться как можно дальше от этого места, укрывшись в густых лесах у подножия горного хребта. До ближайшего жилья в этом районе оставалось минимум два дня пути. На сотни миль вокруг это единственное место, где он мог найти систему спутниковой связи.

Крейг восседал на лошади. Лицо его было бледным, а тело пробирала мелкая дрожь.

– Гризли... Откуда ты знал, что они рядом? – спросил он, когда группа перевалила через пригорок.

Наблюдая за собаками, принимающими к снегу, Мэтт равнодушно ответил:

– Незадолго до этого я разбил в том месте бутылку с медвежьей приманкой. К тому времени, как мы снова там оказались, она должна была привлечь медведей со всей округи.

– И, зная об этом, ты все равно решил повести нас туда?

Мэтт пожал плечами:

– А что тут такого? Снегопад, темнота... Они бы нас даже не заметили, если бы мы их специально не потревожили.

– А что было в той бутылке, которую ты привязал к дереву? – продолжил Крейг.

– Еще одна порция медвежьей приманки, – ответил Мэтт. В армии его научили, как быстро сконструировать простейшую ловушку. – Я подумал, что запах свежей приманки привлечет внимание медведей и нашему другу-гранатометчику временно будет чем заняться, – пояснил он, покачивая головой.

Он не чувствовал вины перед погибшим наемником – ему было жалко раненых медведей.

Спуск по склону продолжался. Мэтт шел рядом с лошастью, вновь погружившись в раздумья о причинах нападения. Откуда появились эти вооруженные до зубов люди и на кого они

работали? Жалко, что ему не удалось захватить одного из них живым и допросить. Ясно было одно – это профессионалы, прошедшие боевую подготовку. Но кто? Солдаты армейского подразделения или наемные убийцы?

Мэтт вытащил из-за пояса кинжал, который подобрал после схватки с первым преследователем, и повертел его в руках, тщательно осматривая клинок и рукоять в свете карманного фонарика. Стандартный нож армейского образца, без каких-либо знаков отличия. Никаких указаний на страну и марку производителя. Мэтт был уверен: проверь он винтовку и пистолет поверженного противника, результат был бы тот же. Нет, это не наемники – те обычно не стирают все следы со своего оружия.

Но Мэтт знал, кто делает это всегда.

Бойцы секретных спецподразделений.

Мэтт мысленно вернулся к рассказу Крейга о строгой секретности вокруг событий на дрейфующей станции. Неужели преследователей послало американское правительство? После шести лет, проведенных в элитной команде «зеленых беретов», это предположение не казалось ему таким уж невероятным. Интересы национальной безопасности порой требовали суровых решений и жертв.

И все же ему не хотелось в это верить. Но если не правительство США, то кто?

– Куда мы направляемся? – спросил Крейг, прервав его мысли.

Мэтт тяжело вздохнул и, решив оставить беспокойство на потом, посмотрел на заснеженный лес.

– Мы идем туда, где нас ждет еще большая опасность.

– И где же это?

– Там, где живет моя бывшая жена, – печальным голосом промолвил Мэтт.

3. Ловушки

ασηλ<sup>9b>C'ΔC

8 апреля, 10 часов 2 минуты

Национальный парк «Врата Арктики»

Дженнифер Аратук стояла у ловушки, сжимая в руках толстую осиновую палку. Перед ней в угрожающей позе застыла росомаха. Хищница обнаружила замерзшую добычу первой и ни с кем не собиралась ею делиться. Росомаха пристально смотрела на Дженнифер горящими глазами и время от времени издавала звуки, похожие на протяжное шипение. Мертвая куница размером с кошку лежала в ловушке, расставленной отцом Дженнифер. Ее черная шкурка резко выделялась на фоне снежного покрова. По-видимому, тело зверька находилось в ловушке достаточно долго, прежде чем росомаха, учуяв запах, вырыла его из-под снега.

– Убирайся отсюда! – крикнула Дженни, размахивая дубинкой.

Беломордый самец с глухим ворчанием прыгнул на шаг в ее сторону и тут же отскочил обратно. На зверином языке это означало что-то вроде: «Да пошла ты подальше!» Когда дело касалось еды, бесстрашные росомехи готовы были вступить в схватку даже с волками. Для этого природа одарила их мощными когтями и острыми зубами.

Дженнифер с опаской разглядывала росомаху, подумывая, что проще расправиться с упрямым зверьком, чем отпугивать его. Один удар по голове либо заставит росомаху убежать, либо оглушит ее на время, достаточное, чтобы вытащить тушку куницы из ловушки. Отец Дженни занимался промыслом звериных шкурок, которые потом менял на тюлений жир и предметы эскимосского быта. Уже два дня она занималась тем, что проверяла расставленные им ловушки, собирала из них добычу, возвращала их в исходное положение и меняла приманку. Работа эта ее не очень привлекала, но у отца в прошлом году обострился артрит, и она не могла оставить его наедине с дикой природой.

– Ладно, твоя взяла, – сдалась Дженнифер. – В конце концов, ты оказался здесь первым.

Она дотянулась дубинкой до ветки тополя, отцепила петлю силка и подтолкнула тело куницы к росомехе.

Самец глухо заворчал, вцепился зубами в замороженный труп, попятился назад, волоча за собой добычу, и вскоре исчез в какой-то потайной норке.

Дженни покачала головой. Она не станет рассказывать отцу об этой встрече. Весть о том, что она отказалась от возможности заполучить сразу две шкурки, его явно не обрадует. Впрочем, она местный начальник полиции, а не охотник на пушных зверей. Отец должен быть доволен хотя бы тем, что она каждый год проводит половину своего двухнедельного отпуска, помогая ему с этими дурацкими ловушками.

Она отправилась обратно к саням, оставляя на снегу широкие следы снегоступов. Двухдневный поход на проверку ловушек был для нее не только нудным занятием. В последние три дня снежная буря покрыла территорию национального парка толстым слоем снега, предоставив ей прекрасную возможность прокатиться в санях на собачьей упряжке, возможно, в последний раз перед наступлением весенней оттепели. Она наслаждалась выездами на природу в это время года. Туристический сезон еще не наступил, и никто не мог нарушить ее уединение с собаками в этом уголке парка. Хижина отца находилась в долине, на самой окраине заповедника. Согласно законодательству об охране земель, исконно принадлежавших эскимосским племенам, ее отец – чистокровный эскимос из племени инуит – пользовался правом охоты в специально отведенных районах заповедника, чтобы добывать себе средства к существованию. В этом-то Дженнифер сейчас ему и помогала.

У саней ее встретил привычный лай и повизгивание ездовых собак. Она сбросила с ног снегоступы и, подняв их с земли, закрепила поверх саней. В санях она держала спальный мешок, смену одежды, небольшой тесак, керосиновую лампу, средство от комаров, пластиковый контейнер с сухим кормом для собак, помятую коробку шоколадок «Пауэр», наполовину опустошенный пакет с чипсами «Доритос» и маленький переносной холодильник с несколькими банками диетической газировки «Таб». Дженнифер расстегнула наплечную кобуру, вытащила служебный револьвер и закрепила его на одной из ручек саней, рядом с топором в кожаном чехле.

Покончив с этим, она сбросила толстые шерстяные варежки, которые носила поверх более удобных перчаток из водонепроницаемой ткани «гортекс».

– Подъем, девочки и мальчики, выдвигаемся!

Услышав ее команду, развалившиеся на снегу собаки вскочили, виляя хвостами. Они все еще были в упряжке, и Дженнифер оставалось только подтянуть шлейки. Она по порядку обошла всех собак, ласково похлопывая каждую по спине: Матли и Джеф, Джордж и Грэйси, Холмс и Ватсон, Кэгни и Лейси. Собаки, которых она в свое время подобрала либо на улице, либо в приютах для животных, представляли собой пеструю смесь полукровок лабрадоров, маламутов и овчарок. Всего их у нее было шестнадцать. С этой командой Дженни участвовала в гонках на собачьих упряжках по Аляске, от Анкориджа до Нома⁶, и, хотя они заняли очень скромное место во второй половине списка, сам факт участия и прекрасное время, которое она провела с собаками, уже были для нее победой.

Убедившись, что упряжка готова к путешествию, Дженнифер ухватила за поводья, крикнула: «Поехали!» – и подтолкнула сани вперед.

Собаки окунулись лапами в снег и с радостным лаем тронули сани с места. Дженнифер шла позади, управляя движением. Ловушка, у которой она столкнулась с росомхой, была последней остановкой в ее двухдневном походе. Она сделала полный круг и теперь возвращалась домой. До хижины было примерно три мили. Дженнифер надеялась, что отец не забыл заварить с утра свежий кофе.

По многочисленным пригоркам и впадинам упряжка добралась до небольшой возвышенности, и Дженнифер остановила собак.

Перед ней открывалась изумительная картина: горные хребты тянулись до самого горизонта, припорошенные снегом ели переливались на солнце изумрудной зеленью, а осиновые и тополиные рощи окрашивали пейзаж в нежные оттенки. Вдалеке серебряная нить реки тянулась от водопада к водопаду, весело искрясь в солнечных лучах.

В последние дни солнце редко появлялось из-за туч, но сейчас оно теплым прикосновением согревало лицо Дженни.

Она глубоко вдохнула глоток свежего воздуха, пропитанного кедровым ароматом, и провела взглядом ястреба, одиноко парящего под самыми облаками.

В красоте этих мест что-то холодное, бесплодное. Кому-то она по душе, кому-то – нет.

Здесь были земли ее предков, но, сколько бы она сюда ни приезжала, ее не покидало ощущение, что связь с прошлым, с корнями безвозвратно утеряна. Ей казалось, что она лишилась какого-то чувства, о котором раньше и не подозревала. И это была не самая тяжелая из ее потерь.

Вернувшись в реальность, Дженнифер опустила на глаза темные защитные очки, запрыгнула на полозья саней и с криком «эй-я!» пустила упряжку бегом.

Собаки сорвались с места и бросились вниз по склону. Стоя на полозьях, Дженнифер направляла движение и при необходимости притормаживала. Упряжка летела по снегу. Порыв

⁶ **Анкоридж** – крупный торгово-финансовый центр на юге Аляски. Ном – город на западе штата Аляска, на полуострове Сьюард, у входа в Берингов пролив.

ветра сорвал капюшон меховой куртки с ее головы. Она протянула руку назад, чтобы поправить его, но передумала и вместо этого мотнула головой, распустив длинные, черные как смоль волосы. Почувствовав стремительность движения и освежающий холодок на лице, она испытала истинное наслаждение.

Дженнифер убрала ногу с тормоза и пустила сани в захватывающий дух полет по прямому спуску. Ветер свистел в ушах, а пролетавшие мимо деревья превратились в размытое пятно. Она умело направила упряжку по изгибу широкого ручья. В этот момент, показавшийся ей вечностью, Дженни слилась воедино с упряжкой, с санями, со всем окружающим ее миром.

Звук выстрела грубо вернул ее к действительности.

Она обеими ногами нажала на тормоз и приподнялась на полозьях. Сани резко замедлили ход, оставив за собой облако снежной пыли.

В утренней тиши снова раздался выстрел из винтовки. Натренированным слухом она определила, что эхо выстрела доносилось со стороны отцовской хижины.

По спине пробежал холодок.

«Отец!»

– Эй-я! – скомандовала она, и сани снова помчались на полной скорости.

В сознании мелькали страшные картины произошедшего. На него могли напасть проснувшиеся от спячки медведи, хотя они редко забредали на равнину. Лоси в это время года не менее опасны, а хижина стоит на берегу реки, где молодые самцы нередко лакомятся сочными побегами ивы. Наконец, он мог стать жертвой двуногих хищников – браконьеров или грабителей, временами нападавших на одинокие хижины в лесу. Кому, как не ей, было знать об опасностях, подстерегающих людей в этой заповедной глуши!

Страх подстегивал ее, заставляя забыть об осторожности.

Упряжка влетела в крутой изгиб реки. Впереди гранитная скала нависла над усыпанным валунами берегом. Они неслись слишком быстро. Дженнифер ударила по тормозам, но сани занесло на заледеневшем снегу и бросило в сторону скалы.

Столкновение с гранитной стеной казалось неизбежным.

Дженни перенесла весь вес своего тела на полоз на противоположной от скалы стороне саней. По инерции сани резко наклонились и, задев днищем каменную стену, заскрежетали по граниту, продолжая двигаться вперед.

Дженнифер крепко вцепилась в перекладину и молилась о том, чтобы сани не перевернулись. Собаки рванули сани с удвоенной силой. Дженни с трудом сдержала крик, и в этот момент упряжка вырвалась из каменного плена, тяжело опустившись на оба полоза. От резкого удара Дженнифер чуть не упала с полозьев.

Почуввав близость дома, до которого оставалось метров двести, собаки тянули упряжку изо всех сил. Дженни не пыталась их остановить. Она внимательно прислушивалась к окружающим звукам, ожидая услышать эхо очередного выстрела, но в ушах стоял только стук бешено колотящегося сердца. Из предосторожности Дженнифер расстегнула кобуру, но пистолет вытаскивать не стала, опасаясь, что может выронить его из рук, управляя санями. «Что же там могло случиться?» – с ужасом думала она.

Упряжка неслась вдоль берега реки по знакомому маршруту. Последний поворот – и впереди показалась хижина. Она стояла на лугу, в месте, где извилистый ручеек впадал в реку. За хижинкой виднелись небольшая пристань и полицейский самолет-амфибия, на котором Дженнифер прилетела навестить отца.

Она увидела отца, стоявшего у двери хижины с охотничьей винтовкой в руках. На нем была традиционная эскимосская одежда: зимняя парка, штаны на толстом меху и сапоги из тюленьей кожи. Даже издали было заметно, что он чем-то сильно раздражен.

– Отец! – прокричала Дженни, отталкиваясь одной ногой от земли, чтобы плавно повернуть сани к хижине.

Он резко повернулся на звук ее голоса.

Упряжка выскочила из леса на залитую солнцем лужайку. Дженнифер соскочила с саней и ринулась к отцу, на ходу вытаскивая пистолет из кобуры. Оставшиеся без управления сани ударились о камень и перевернулись. Не обращая внимания на оглушительный треск, Дженни бросала взгляды из стороны в сторону в поиске малейших признаков опасности.

Внезапно громадная черная тень бросилась к ней из-под крыльца. «Волк!» – промелькнуло в голове. Она взметнула пистолет вверх, целясь в приближающуюся фигуру.

– Нет! – послышался окрик из-за спины.

Дженнифер пристально смотрела к темному силуэту зверя и распознала в нем знакомые черты.

– Бейн! – воскликнула она с облегчением.

Опустив пистолет, она присела, позволив огромному псу радостно облизать ее лицо горячим языком, а потом резко обернулась. Две фигуры стояли в десяти метрах у кромки леса. Неподалеку лошадь мирно ощипывала листья с низких веток ольхи.

От хижины послышался сердитый голос отца:

– Я сказал этому подлецу, чтобы он убирался отсюда подобру-поздорову. Здесь ему не место.

Он угрожающе повел стволом винтовки в подтверждение своих слов.

Дженнифер пристально смотрела на своего бывшего мужа. Мэтью Пайк широко улыбался, но за его сверкающей улыбкой скрывалась едва заметная неловкость.

Дженни встала с колен, взглянула на разбитые сани, перевела взгляд на отца и произнесла:

– Ты прав, папа. Пристрели его.

11 часов 54 минуты

Мэтт прекрасно понимал, что Дженнифер просто дает волю чувствам, но все-таки решил пока держаться от нее подальше. Они долго смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Наконец Дженни с отвращением покачала головой и направилась к отцу. Она взяла из его рук винчестер со свободным затвором и мягко, но настойчиво сказала на инуитском диалекте:

– Папа, не стоит бесполезно тратить патроны. Тем более – на него.

Мэтт не сводил с нее глаз. Дженнифер унаследовала от матери, канадки французского происхождения, необычно высокий для инуитов рост – почти метр восемьдесят. Зато, как и отец, она была стройна и гибка, как ивовый прут. У нее была мягкая смуглая кожа и необычайно выразительные глаза, которые то плясали, то искрились, то медленно полыхали. Он когда-то влюбился в эти глаза.

Но сейчас, через три года после развода, те же самые глаза смотрели на него с неприкрытой злобой... И с глубокой болью.

– Что ты здесь делаешь, Мэтт?

Он замешкался, пытаясь найти подходящие слова, и Крейг ответил за него:

– Извините, что мы потревожили вас. Самолет, на котором я летел, попал в катастрофу. – Он непроизвольно ощупал свежую повязку на голове. – Мы два дня сюда добирались. Мэтт спас меня.

Дженни перевела взгляд на бывшего мужа.

– Это был самолет Брента Камминга, – пояснил Мэтт и, заметив удивление в глазах Дженнифер, добавил: – Он мертв.

– О господи... – Она бессильно опустила плечи и поднесла руку ко лбу. – Шерил... Что же я ей скажу?

Мэтт осторожно направился к ней, ведя под уздцы кобылу.

– Ты скажешь ей, что это не был несчастный случай.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она с еще большим удивлением.

– Это долгая история, – ответил Мэтт, взглянув на дым из трубы на крыше хижины.

Десять лет назад он помог построить этот дом со стенами из грубых свежесрубленных бревен и с покрытой дерном крышей. Он использовал стандартный проект, предусматривающий небольшой сарай для хранения мяса на заднем дворе. Правда, для повышения теплоустойчивости постройки он вставил трехслойные оконные рамы, а к традиционному камину добавил газовый баллон.

Мэтт стоял перед домом, погрузившись в воспоминания. Он провел здесь лучшие годы своей жизни... И одну страшную зиму.

– Может, поговорим в доме? – сказал он. – В лесу остались еще два трупа.

Дженнифер кивнула, с беспокойством нахмутив брови. Лицо ее отца по-прежнему оставалось суровым и беспристрастным.

– Пойду займусь собаками и лошадью, – сказал Джон Аратук, подойдя к Мэраюе и взяв ее под уздцы.

Проходя мимо Мэтью, он даже не удостоил его взглядом, а Крейгу только слегка кивнул, как бы намекая, что против него он зла не держит, но компании его не одобряет.

Дженни распахнула дверь и поставила винтовку у порога в прихожей.

– Проходите.

Мэтт жестом пригласил Крейга войти первым. Сам он задержался у входа. «Прошло три года с тех пор, когда я в последний раз переступил порог этого дома». Он собрался с духом, облизнул высохшие губы и, пригнувшись, вошел в дом. Где-то в глубине души он боялся увидеть маленькое тело Тайлера, распростертое на сосновом столе со сложенными на груди тонкими ручонками. В тот трагический вечер Мэтт с трудом ввалился в дом на свинцовых от горя ногах, полузамерзший, с сердцем, превратившимся в кусок льда.

Но сейчас от дома веяло теплотой и запахом пропитанного дымом дерева. В глубине комнаты Дженнифер склонилась над небольшой железной плитой. Она открыла дверцу, подбросила дров и поворошила тлеющие угли. Из чайника на плите доносился кофейный аромат.

– Кружки в шкафу для посуды, – сказала Дженнифер. – Ты сам знаешь, где искать.

Мэтт подошел к серванту и вытащил три глиняные кружки. Он выпрямился и окинул взглядом просторную комнату с нависающими под потолком деревянными балками перекрытия. В комнате светили три масляные лампы, вырезанные из мыльного камня в виде полумесяца. Отец Дженни редко пользовался электричеством – для этого нужно было включать генератор и тратить топливо. В углу комнаты виднелся камин, сложенный из речных камней. Стулья и диван были сделаны местным умельцем из состаренной обжигом сосны и обиты оленьими шкурами. На стенах висели фотографии, сделанные самой Дженни – она была прекрасным фотографом. По всей комнате были расставлены традиционные эскимосские украшения: фигурки животных, искусно вырезанная статуя Седна – инуитского бога морей и маска шамана из раскрашенного дерева, которую использовали в обрядах исцеления.

Мэтт тяжело вздохнул. Каждый предмет навевал воспоминания о трагедиях, которые преследовали его всю жизнь. В первый год учебы в университете штата Теннесси его родители погибли, когда вооруженные грабители ворвались в их дом. Оставшись без материальной поддержки, он бросил университет, ушел в армию и с головой окунулся в тяготы военной службы, пытаясь таким образом избавиться от накопленной злости и боли. Со временем Мэтт прошел курс спецподготовки и вступил в элитное подразделение «зеленых беретов». Но после Сомали он понял, что вдоволь насмотрелся на кровь и смерть, уволился из армии и вернулся в университет, в котором получил диплом по экологии. После выпуска он приехал работать на Аляску, привлекающую его своими бескрайними просторами и дикой природой.

Он приехал сюда, чтобы побыть наедине с собой... Но встреча с Дженни все изменила.

Мэтт застыл посреди комнаты с кружками в руках, потерявшись между прошлым и настоящим. В глубине дома две двери вели в спальни, с которыми были связаны самые дорогие ему воспоминания. Мэтт отвернулся, не в силах перебороть нахлынувшую боль.

Первая комната... Он читает Тайлеру «Приключения Винни Пуха» при свете лампы, вся семья уютно устроилась на кровати в толстых шерстяных пижамах.

Вторая комната... Он лежит под тяжелым одеялом, набитым гусиным пухом, прижавшись к горячему, как тлеющий уголек, телу Дженни.

– Кофе готов, – прервала его мысли Дженнифер.

Надев выдавшую виды варежку-прихватку, она сняла горячий чайник с плиты и пригласила мужчин присесть на диване.

Мэтт расставил кружки на сучковатом сосновом столике, и Дженни наполнила их ароматным напитком.

– Рассказывайте, что произошло, – сказала она безучастным голосом полицейского, ведущего расследование.

Крейг начал первым. Он рассказал обо всем, что с ним случилось, – от момента получения задания в редакции газеты до падения самолета.

– Диверсия? – предположила Дженнифер, зная Брента так же хорошо, как и Мэтт.

Если с самолетом Брента что-то произошло, то уж никак не из-за простой поломки или ошибки пилота.

Мэтт утвердительно кивнул:

– Я так и подумал. А потом появился второй самолет.

Мэтт сообщил Дженнифер код, который он успел разглядеть в бинокль на борту самолета. Впрочем, он почти не сомневался, что самолет был похищен либо позывные его были ложными.

– С него спрыгнули два до зубов вооруженных парашютиста на мотоциклах. У них явно был приказ уничтожить всех свидетелей.

Дженни нахмурилась и бросила взгляд на Крейга, но тот уставился в кружку, размешивая сахар в кофе.

– И что было дальше?

Мэтт рассказал ей о судьбе наемных убийц, не вдаваясь в подробности. Дженни развернула топографическую карту района, и он пометил на ней места катастрофы самолета и гибели наемников.

– Мне нужно созвониться с Фэрбенксом, – сказала Дженни, после того как он закончил.

– А мне нужно связаться с моей газетой, – добавил Крейг, заметно оживившись после порции крепкого кофе. – Они там, наверное, уже беспокоятся. Предполагалось, что я дам им о себе знать по прибытии в Прадхо-Бей.

Дженни захлопнула блокнот, в котором делала записи во время беседы, и встала с дивана:

– Спутниковый телефон вон там. – Она ткнула блокнотом в сторону рабочего стола. – Давай побыстрее, а потом я позвоню в офис.

Крейг направился к телефону, захватив с собой кружку с кофе.

– А как им пользоваться?

– Так же, как обычным телефоном. Возможно, на линии будут помехи из-за недавних магнитных бурь. Связь в последнее время была ужасная.

Крейг кивнул, уселся за стол и поднял трубку.

Дженни подошла к камину.

– Что ты обо всем этом думаешь? – спросила она Мэтью.

Он присоединился к ней и оперся ладонью о каминную полку.

– Ясно, что кто-то пытается держать газетчиков подальше от полярной станции.

– Секретная операция?

– Не знаю.

За столом Крейг проговорил в трубку:

– Сандра, это Тиг. Соедини меня с боссом. – Наступила короткая пауза. – Да мне плевать, что у него совещание. У меня срочная новость.

Мэтт подумал, что у журналиста к этому времени накопилось намного больше материала для репортажа, чем он ожидал перед отлетом из Сиэтла.

Дженни повернулась к Крейгу спиной и шепотом спросила:

– А ты не думаешь, что этот парень знает больше, чем рассказывает?

Мэтт окинул репортера оценивающим взглядом.

– Сомневаюсь. Мне кажется, что ему просто не повезло и он оказался в этой ситуации совершенно случайно.

– А эти наемники? Ты уверен, что они из военного спецназа?

– Во всяком случае, они прошли профессиональную военную подготовку.

Мэтт заметил, что Дженнифер чувствует себя неловко, стоя с ним рядом. Она избегала его взгляда и была немногословна, хотя – по правилам службы – должна была его обо всем подробно расспросить.

Мэтт не обижался на нее за холодность. Ничего другого он ожидать и не мог. Но ему все равно хотелось уйти от этой натянутой беседы и сказать ей, что он не прикасался к спиртному уже два года. Интересно, как она на это отреагирует? – думал он. Может быть, ей уже все равно и в их отношениях ничего нельзя поправить?

Он пристально вглядывался в фотографию Тайлера, стоящую в рамке на камине. Смеющееся лицо, взъерошенные светлые волосы, на руках – восьмимесячный Бейн. В сердце у Мэтта защемило от одновременно нахлынувших радости и печали. Он позволил этим чувствам на мгновение заполнить его душу: Мэтт давно отказался от попыток избавиться от них в алкогольном ступоре. Он продолжал чувствовать боль... по-разному... и от этого ему становилось легче.

– Что-нибудь еще бросилось тебе в глаза? – спросила Дженни.

Мэтт глубоко вздохнул и отошел от камина.

– Не знаю. – Он задумчиво потер бровь костяшкой пальца. – Они могли быть иностранцами.

– С чего ты это взял?

– За все время, пока находились вблизи, они и словом не обмолвились. Мне показалось, что они специально сохраняли режим молчания, чтобы не выдать своего происхождения. С той же целью они стерли маркировку на оружии.

– А не могли они быть просто наемными убийцами?

Мэтт пожал плечами. Возможно.

– Пока у нас слишком мало доказательств, чтобы делать какие-либо выводы. – Ее взгляд затуманился от раздумий. – Мы направим туда группу криминалистов и посмотрим, что они накопают. Но что-то мне подсказывает, что все ответы на наши вопросы скрываются на полярной базе. И если так, то придется подключать ФБР... и еще военную контрразведку, раз уж во всем этом замешан флот. Ну и бардак...

Мэтт, кивнув, заметил:

– Бардак, в котором кто-то пытается навести порядок с помощью винтовок.

Дженнифер взглянула на него с намерением что-то сказать, но передумала.

– Дженни... послушай, – начал было Мэтт, набравшись смелости.

Но его перебил Крейг, который до этого что-то тихо говорил в трубку и вдруг резко повысил голос:

– Почему Прадхо-Бей?

Дженни и Мэтт повернулись к журналисту.

– Я не вижу причины... – И после долгой паузы: – Хорошо, но я сейчас с шерифом. Не знаю, смогу ли я туда добраться. – Крейг закатил глаза, вздохнул и покачал головой. – И не вздумайте после этого не повысить мне зарплату, черт побери! – прорычал он и бросил трубку.

– Что случилось? – спросил Мэтт.

Крейг еще какое-то время продолжал изрыгать угрозы в адрес начальства, но, поостыв, сказал:

– Они хотят, чтобы я продолжал выполнять задание. Представляете? Я должен встретиться с контактным лицом из газеты в Прадхо-Бее и выяснить, связаны ли происшедшие события с моей поездкой на полярную станцию.

Дженнифер подошла к столу, и Крейг вскочил, освобождая ей место.

– В любом случае тебе придется здесь остаться до тех пор, пока Фэрбенкс не даст разрешения, то есть до окончания расследования.

– Да делайте, что хотите, – проворчал он.

Прежде чем Дженни успела взять трубку, дверь распахнулась и в хижину, притоптывая, чтобы стряхнуть снег с сапог, ввалился ее отец.

– Похоже, к нам снова пожаловали незваные гости. – Он бросил злобный взгляд на Мэтта. – Вроде как самолет пытается здесь приземлиться.

Снаружи раздавался звук самолетного двигателя вперемешку с лаем собак.

Мэтт и Дженни переглянулись и бросились к выходу.

Из-под дверного косяка они наблюдали, как белая «сессна» делает плавный заход над широкой рекой.

– Мэтт?

Мэтью внимательно взгляделся в небо, и в груди у него похолодело:

– Это тот же самый самолет.

– Ты уверен? – спросила Дженнифер, прикрывая ладонью глаза от солнца, чтобы рассмотреть бортовой номер под крыльями «сессны».

– Да, – ответил Мэтт.

– Думаешь, они знают, что ты здесь?

Мэтт заметил движение на борту самолета – кто-то высунулся из окна и махал им рукой. В следующую секунду его глаза округлились – это была не рука, а гранатомет... Реактивный гранатомет.

Он, не раздумывая, толкнул Дженни внутрь дома за мгновение до того, как из трубы гранатомета вырвалась струя пламени.

– Что за... – вскрикнула она.

Взрыв заглушил ее слова. Осколки окна в южной стене хижины зазвенели по полу.

Как только утихло эхо взрыва, Мэтт бросился к разбитому окну и выглянул наружу. На месте сарая темнела глубокая воронка. Горящие доски были разбросаны по всему двору, а остатки крыши все еще падали на землю.

«Сессна» пролетела мимо дома над самыми верхушками деревьев, сделав крен на крыло для нового захода.

Мэтт резко развернулся и встретился взглядом с Дженнифер:

– Ну, теперь можно точно сказать, что они про нас знают.

Лицо Дженнифер по-прежнему оставалось суровым. Она уже успела схватить винтовку и решительно двинулась к двери, подавая пример мужчинам.

Мэтт поспешил за ней.

– Что ты задумала?

Во дворе Дженни пришлось кричать, чтобы перекрыть голосом лай собак и рев самолетного двигателя:

– Сматываемся отсюда! – Она махнула винтовкой в сторону «сессны», описывающей круг над рекой. – Все бегом к «твин оттеру», быстро!

– Может быть, лучше скрыться в лесу? – спросил Крейг, с сомнением оглядывая небольшой полицейский самолет, покачивающийся на волнах.

– Мы уже один раз попробовали, – сказал Мэтт, подталкивая репортера к пристани. – Второй раз может не получиться, тем более в такую ясную погоду. Кто знает, может, они уже сбросили очередную партию наемников и те сейчас рыщут по лесу.

Они бросились к самолету. Дженни помогала отцу, поддерживая его под локоть. Собаки как бешеные крутились вокруг и громко лаяли.

Откуда ни возьмись, Бейн оказался рядом с Мэтью и последовал за хозяином на подмости. Мэтт не успел даже скомандовать полуволку, чтобы тот оставался на берегу.

Вместо этого он потянулся за винтовкой, которую Дженни по-прежнему сжимала в руках.

– Заводи мотор. Я постараюсь их задержать.

Дженни кивнула и отдала ему винтовку. Мэтью поразило отсутствие страха в ее глазах.

Он развернулся и побежал по подмосткам к берегу. Бейн последовал за ним.

«Сессна» тем временем завершала разворот к хижине. Мэтт выстрелил, промахнулся и передернул затвор, загоняя в ствол очередной патрон.

Двигатель «твин оттера» чихнул пару раз и снова заглох. «Ну давай же, Джен, давай...»

«Сессна» выпустила закрылки и нырнула к поверхности реки, устремившись к беспомощному самолету-амфибии.

Мэтт прицелился, метаясь в кабину «сессны», выстрелил и снова промахнулся. Самолет продолжал упрямо пикировать.

– Черт бы тебя побрал!

Мэтт выругался, передернул затвор, расставил ноги пошире и вдавил приклад винтовки в плечо.

Мотор «оттера» неожиданно фыркнул, кашлянул и завелся. Его рокот заглушил лай собак.

– Мэтт! – Дженни прокричала в боковое окно. – Давай внутрь!

«Сессна» скользила теперь не больше чем в десяти метрах над водной поверхностью. Фигура, одетая в белую меховую куртку, высунулась из открытой двери. На плече у наемника чернела труба гранатомета. Он выжидал, рассчитывая на выстрел в упор. Надеяться на то, что «оттер» успеет взлететь и увернуться от прямого попадания, было бесполезно.

Оставался лишь один выход – заставить наемника промахнуться. Тогда преследователям пришлось бы снова разворачиваться, а они бы за это время успели оказаться в воздухе.

Прикусив губу, Мэтт прицелился в фигуру с гранатометом. Он готов был поклясться, что наемник тоже пристально смотрит на него в прицел своего оружия. Мэтт нажал на спуск.

Звук выстрела заставил его моргнуть. Пуля срикошетила от крыла, не задев наемника, но заставила того отпрянуть за одну из распорок.

К сожалению, этого было недостаточно. Через несколько секунд труба гранатомета снова нацелилась на их самолет. «Сессна» была уже метрах в пятидесяти от них, яростно атакуя.

Мэтт приготовился снова стрелять, но в это время из-за спины послышался крик Дженнифер:

– Мэтт! В кабину! Быстро!

Он оглянулся. Отец Дженни придерживал открытую дверь кабины и делал ему знаки рукой.

– Мы все еще привязаны к пристани, – прокричал он, показывая Мэтту на веревку.

Мэтт выругался про себя и бросился к самолету, прижимая винтовку к груди. Свободной рукой он сорвал петлю веревки с деревянного столбика на подмостках и запрыгнул на поплавок гидросамолета.

Следуя за ним по пятам, Бейн, который за многие годы в компании Мэтта привык к полетам на самолетах, одним прыжком заскочил в кабину.

– Взлетаем, – крикнул Мэтт в открытую дверь.

Мотор «оттера» взревел, резко набирая обороты. Два винта яростно взрезали воздух, и самолет оторвался от пристани.

Отец Дженнифер протянул руку пошатнувшемуся на поплавке Мэтту, чтобы помочь ему забраться в кабину.

– Нет, Джон, – возразил Мэтт, пристально посмотрев ему в глаза. Он быстро обмотал веревку вокруг пояса и бросил свободный конец старому эскимосу. – Привяжи меня!

Джон с удивлением приподнял брови.

– Подстрахуй меня! – пояснил Мэтт, показывая на стальную подпорку у двери кабины.

Старик наконец понял, что от него хотел Мэтт, и накинул веревку на металлический стержень. В прошлом они не раз вместе взбирались на ледниковые склоны.

Пока «оттер», набирая скорость, мчался по реке, Мэтт, как заправский скалолаз, перемещался по поплавку к хвосту самолета. Отец Дженни сантиметр за сантиметром отпускал веревку, следя за тем, чтобы она была туго натянута.

Мэтт выбрался из-под крыла и посмотрел назад. «Сессна» пристроилась в хвост метрах в тридцати, пикируя на них, как стервятник. «Еще немного, и мы станем легкой добычей», – промелькнуло у него в голове.

Мэтт широко расставил ноги, вскинул винтовку и наклонился вперед, насколько позволяло натяжение веревки. На этот раз он целился не в наемника с гранатометом, а в окно кабины.

Выстрелы винтовки и гранатомета раздались одновременно. Мэтт вскрикнул от досады, подумав, что опоздал, но через долю секунды «сесна» внезапно нырнула, резко наклонившись на крыло.

С душераздирающим свистом ракета промчалась мимо. Огромный фонтан воды и речной гальки взметнулся впереди и чуть правее «оттера». Похоже, у наемника не выдержали нервы, и рука его дрогнула при выстреле.

«Сесна» стремительно промелькнула над крошечным гидропланом, но Мэтт успел заметить, что окно кабины на стороне пилота покрылось паутиной мелких трещин. Он не промахнулся.

Мэтт повернулся и, с трудом сохраняя равновесие на неустойчивой поверхности поплавок, начал двигаться в сторону кабины. Под ногами бешено мелькала водная рябь, а поток воздуха тянул его назад. Джон размеренно накручивал веревку, подтягивая Мэтью к кабине. Мэтт достиг дверного проема в момент, когда поплавки самолета оторвались от поверхности реки. Дребезжание под ногами мгновенно исчезло.

Самолет резко наклонился на крыло, и Мэтт от неожиданности потерял равновесие. Спина его выгнулась назад, и он взмахнул руками, пытаясь за что-нибудь ухватиться. Винчестер с грохотом скатился по поплавку в воду.

И тут Мэтт почувствовал жесткую хватку на поясе.

Несколько долгих секунд он смотрел в темные глаза своего бывшего тестя. Ветер пронзительно свистел в ушах. Старый эскимос, как бы раздумывая, крепко держал Мэтта за пояс. Наконец в его лице что-то изменилось, и он рывком втащил Мэтью в кабину.

Мэтт кубарем вкатился внутрь. Бейн бросился было к нему с третьего ряда сидений, радостно высунув язык, но Мэтт оттолкнул собаку и, развернувшись, первым делом захлопнул дверь.

Дженни прокричала с пилотского кресла:

– Они пошли на новый заход.

Мэтт поднялся на ноги и протиснулся к сиденью второго пилота. Впереди «сессна» делала крутой разворот.

Сев в кресло, Мэтт вдруг осознал, что винтовки у него в руках уже нет. Выругавшись про себя, он спросил:

– У тебя есть другая винтовка?

Дженни прибавила обороты, и самолет начал медленно набирать высоту.

– Нет, только пистолет и штатный дробовик в стойке на задней стене кабины. Но в воздухе они бесполезны.

Он вздохнул. Дженнифер была права: с дальней дистанции попасть из них в цель было практически невозможно.

Самолет продолжал набор высоты.

– Ничего не остается, кроме как попытаться добраться до Прадхо-Бея, – сказала Дженни.

Мэтт мысленно согласился. Там располагалась ближайшая военная база. Самим им в сложившейся ситуации все равно не разобраться. Но Прадхо был в четырехстах милях отсюда.

Дженни напряженно всматривалась в пикирующую на них «сессну».

– А с этими придется повозиться.

14 часов 25 минут

Под полярной шапкой

– Срочное сообщение, товарищ адмирал!

Виктор Петков проигнорировал вошедшего в капитанскую каюту молодого лейтенанта и продолжал читать «Братьев Карамазовых» Достоевского, сидя за столом. Книга, написанная давно умершим русским писателем, приносила ему душевный покой и вдохновение. Он часто сравнивал себя с Иваном Карамазовым, внутренний конфликт которого с самим собой и верой в Бога был так похож на его собственные переживания.

Его отец был другим. Воспитанный в православии, он никогда не подвергал сомнению слово Господне. Даже с приходом к власти Сталина, когда открыто практиковать религию стало смертельно опасно, его отец не отказался от своих религиозных взглядов. Может быть, именно поэтому одного из самых знаменитых ученых своего времени вырвали из семьи и под дулом пистолета отправили в ссылку на далекую полярную станцию в Арктике.

Виктор закончил читать главу «Великий инквизитор», в которой Иван отрекается от Бога. Сцена, описанная гениальным автором, вновь разбредила его душу. Острая злоба, с которой Иван говорил о Боге, была порождена его разочарованием в собственном предназначении, в собственной вере. Отец Виктора тоже погиб в результате предательства, хотя и не от руки одного из собственных сыновей, как в романе.

Но трагедия, постигшая семью Петковых, на этом не кончилась. После исчезновения дрейфующей базы в 1948 году мать Виктора впала в глубокую депрессию, длившуюся целое десятилетие и закончившуюся одним утром, когда восемнадцатилетний Виктор вошел в квартиру и увидел тело матери, безжизненно свисавшее с потолка на связанной в узлы простыне.

Родственников у Виктора не было, и его направили в армию, ставшую для него новой семьей. В поисках разгадки тайны смерти отца он стал с увлечением изучать все, что касалось Арктики. Его одержимость и глубоко скрытая ярость помогали ему безжалостно продвигаться вверх по карьерной лестнице в рядах русских подводников до тех пор, пока он не стал командующим Северным флотом.

Однако, несмотря на успехи в собственной карьере, он ни на минуту не забывал об участии, постигшей его родителей. Перед глазами то и дело возникали сцены семейной трагедии: отец, которого уводят посреди ночи... тело матери, свисающее с потолка на веревке...

– Товарищ адмирал, – снова обратился к нему лейтенант, переступив с ноги на ногу. Его голос подрагивал от волнения – кто знает, чем может кончиться незваное вторжение в раздумья

Белого Призрака, одно имя которого наводило страх на подчиненных. – Мы... мы получили закодированное сообщение с пометкой «совершенно секретно», адресованное вам лично.

Виктор захлопнул книгу, задумчиво провел пальцем по кожаному переплету и протянул руку к лейтенанту. Он ожидал эту радиограмму. «Дракон» поднялся на перископную глубину пол часа назад и выдвинул антенну на поверхность сквозь трещину в льдине, посылая и принимая радиосообщения.

Молодой офицер учтиво подал ему папку с металлическим скоросшивателем. Виктор расписался в получении документа и взял папку в руки.

– Вы свободны, лейтенант. Если мне понадобится отправить ответную радиограмму, я позвоню в капитанскую рубку.

– Слушаюсь, товарищ адмирал.

Офицер развернулся на каблуках и вышел из каюты.

Виктор открыл папку. В верхней части листа бумаги стоял гриф «ПЕРСОНАЛЬНО КОМАНДУЮЩЕМУ ФЛОТОМ». Далее следовал текст закодированного сообщения. Он вздохнул и принялся расшифровывать радиограмму. Она была послана генерал-полковником Ченко, директором ФСБ. «Новое название, да старая игра», – усмехнувшись, подумал он.

СРОЧНО СРОЧНО СРОЧНО СРОЧНО

От кого: Федеральная служба безопасности

Кому: «Дракон»

Рег. №: Лубянка 76-453А от 8 апреля

Тема: Координаты цели/Время атаки

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Только для командующего Северным флотом

Текст сообщения:

Последние разведданные подтверждают начало контрразведывательной операции спецслужб США. Мобилизованы подразделения «Дельта форс». Руководитель операции установлен и подтвержден. Меры противодействия ускорены и скоординированы с группой «Леопард».

Дрейфующая станция «Омега» утверждена целью номер один. Координаты – альфа четыре два точка шесть – три один точка два согласно карте «Z».

«Дракону» с этого момента приказано соблюдать режим полного радиомолчания до получения команды на начало операции.

Начало операции в 08.00.

Дополнительная информация поступит вместе с сигналом на атаку.

Генерал-полковник Ю. Ченко

Завершив дешифровку, Виктор нахмурился.

Сам текст сообщения был понятен. Цель – станция «Омега». Время – завтра утром. В Вашингтоне что-то пронюхали о секретах, погребенных на заброшенной полярной базе.

Но как всегда, в сообщении Ченко содержалась масса информации, скрытой между строк.

Мобилизованы подразделения «Дельта форс».

Эта простая фраза говорила ему о многом. «Дельта форс» являлось одним из самых секретных спецподразделений армии США; при выполнении заданий оно освобождалось от какой-либо ответственности за свои действия перед законом. Контроль над операциями

«Дельта форс» осуществлял лишь «оперативный руководитель», назначавшийся из высокопоставленных военачальников или влиятельных правительственных чиновников.

Мобилизация «Дельта форс» четко устанавливала правила будущей схватки для обеих сторон. Информация о противоборстве между двумя странами не должна просочиться в прессу. Это была тайная война, о событиях и исходе которой мир никогда не узнает. Обе стороны понимали это и молчаливо согласились с правилами игры, о чем и свидетельствовали их действия.

Там, далеко за Полярным кругом, столкнулись интересы двух противоборствующих сторон, которые стремились одновременно овладеть бесценным трофеем и похоронить навеки страшный секрет. Каждая сторона была полна решимости выйти из этого противоборства победительницей.

И плохо придется тому, кто попытается встать между ними.

Такие тайные конфликты не были новостью. Несмотря на кажущееся улучшение отношений между США и Россией, на подмостках политической арены между ними по-прежнему шла жестокая и беспощадная борьба. Даже в условиях новых политических реалий давние противники открыто пожимали друг другу руки, держа за спиной кинжал.

Виктор был хорошо знаком с правилами этой игры. Он по праву считался мастером военной хитрости и политических манипуляций, иначе никогда бы не достиг успехов в карьере.

Он захлопнул папку, встал со стула и подошел к контейнерам из титана в глубине каюты. На каждом из шести квадратных ящиков со стороны примерно в пятьдесят сантиметров стояла печать Института Арктики и Антарктики, базировавшегося в Санкт-Петербурге. Никто, даже правительственные чиновники в Москве, не знал, что хранится в этих контейнерах.

Виктор задержал взгляд на значке в виде стилизованного трилистника под названием института.

«Опасно: радиоактивность!»

Виктор прикоснулся к хорошо известному во всем мире символу.

Эту игру он был намерен выиграть любой ценой.

4. В воздухе

><Cъ P CъГ

8 апреля, 14 часов 42 минуты

В полете над Брукс-Рейндж

Дженнифер Аратук сверилась с показаниями приборов и скорректировала скорость и курс полета. Она пыталась не обращать внимания на «сессну», которая делала очередной разворот, пытаясь зайти им в хвост. Впрочем, забыть про погоню ей не давал Мэтт, который регулярно сообщал ей о действиях преследователей.

– Они возвращаются! – прокричал он.

«Будто я сама не знаю».

Дженни накренила самолет на крыло и резко отвернула в сторону. Они как раз пролетали над ее родным домом. На земле виднелись дымящиеся руины сарая и стая собак, мечущаяся вокруг хижины. В сердце защемило. Ее бедным друзьям придется самим позаботиться о себе до тех пор, пока она не вернется или не пошлет кого-нибудь, чтобы присмотреть за ними. Но сначала надо выжить.

«Оттер» пролетал над заснеженными верхушками деревьев, когда в кабине послышался звук, похожий на удары града по фюзеляжу.

Бейн залаял в глубине самолета.

– По нам стреляют! – прокричал Крейг, пристегнутый ремнями к сиденью рядом со старым эскимосом.

Дженни посмотрела на правое крыло, прошитое пулями. «Черт бы их побрал!» Она резко прибавила обороты и потянула штурвал на себя. Послушный самолет мгновенно взметнулся ввысь.

Мэтт ухватился за подлокотники – он чуть не выпал из кресла.

– Пристегнись, – проворчала Дженнифер.

Он в спешке застегнул ремень безопасности и, повернув голову назад, искал в небе преследователей. «Сессна» по-прежнему висела у них на хвосте, выходя из пике.

– Держитесь крепче! – предупредила Дженнифер, прежде чем начать запланированный маневр.

Самолет пролетал над горной грядой, за которой виднелась узкая долина. Она знала, что «сессна» превосходит их по скорости, и единственным способом избавиться от погони было использовать высокую маневренность ее крошечного самолета. Надеялась она и на свои навыки в пилотаже.

Дженни выпустила закрылки и изо всех сил нажала на штурвал. «Оттер» резко нырнул в долину, которая была больше похожа на ущелье. Самолет пикировал между отвесных скал, набирая скорость под влиянием гравитации. Дженнифер направила машину на широкую реку, петляющую на дне каньона.

«Сессна» показалась высоко в небе из-за горной гряды. Она завершала разворот, готовясь к очередной атаке.

Дженни заложила крутой вираж и выровняла самолет над рекой, следуя изгибам ее русла.

– Ну, не подведи меня, детка! – прошептала она.

Дженни летала на «оттере» с тех пор, как стала шерифом. Надежный самолет не раз выручал ее в трудных ситуациях.

– Они снова на нас пикируют! – прокричал Мэтт.

– Поняла, – спокойно ответила Дженнифер.

– Это радует.

Она взглянула на Мэтью, но тот уже отвернулся, напряженно всматриваясь в небо за окном кабины.

«Оттер» стремительно неся над рекой, делая поворот над широким изгибом, усеянным водопадами. «Уже близко...»

Впереди показалось густое облако тумана, за которым ничего нельзя было разглядеть.

– Джен...

– Я вижу.

Она опустила самолет еще ниже. Теперь поплавки проносились всего в тридцати сантиметрах над пенящейся вокруг валунов водой. В кабине отчетливо слышался рокот бурлящего потока.

Внезапно в какофонию звуков ворвался новый шум, похожий на треск взрывающихся петард. Веер пуль прокатился по каменистому берегу и цепочкой водных фонтанчиков приблизился к «оттеру». «Сессна» повисла у них на хвосте.

– Пулемет, – сквозь зубы пробормотал Мэтт.

Пуля срикошетила от большого валуна и ударила в боковое стекло кабины, оставив на нем паутину мелких трещин.

Крейг вздрогнул от неожиданности и пригнулся в кресле.

Дженни стиснула зубы. Решение было принято, и ей ничего не оставалось, как следовать выбранным курсом. Стены ущелья сузились, превратившись в отвесные скалы.

Град пуль окатил крыло, заставив самолет качнуться в сторону. Поплавок слегка задел поверхность воды, но Дженни вовремя успела выровнять самолет. Одна из пуль пробила крышу кабины.

Внезапно они оказались в самой гуще тумана. Дженни с облегчением перевела дух. Мир вокруг них исчез, и в кабине слышался только громкий рокот, заглушающий даже гудение двигателей. По лобовому стеклу потоками стекали капли воды, но Дженни даже не пыталась включить дворники. В этом не было никакого смысла.

Она резко опустила штурвал вниз, вводя самолет в крутое пики.

Крейг вскрикнул от испуга, подумав, что они терпят катастрофу.

Но бояться было нечего – управляемый твердой рукой Дженнифер крошечный самолетик с огромной скоростью устремился почти вертикально вниз, скользя над стеной семидесятиметрового водопада. Туман рассеялся, и перед ними показалось стремительно приближающееся дно каньона.

Дженни снова положила самолет на правое крыло, огибая нависавшую слева скалу.

Мэтт завороченно уставился на гигантскую каменную стену. Крейг, открыв рот от изумления, вцепился в подлокотники кресла.

– Большой континентальный водораздел, – пояснил Мэтт, обернувшись к репортеру. – Посещая Брукс-Рейндж, такую достопримечательность пропустить просто непозволительно.

Дженни окинула взглядом отвесную стену. Большой водораздел делит пополам практически весь североамериканский континент, беря начало в Скалистых горах, пересекая Канаду, затем Аляску через горный хребет Брукс-Рейндж и заканчиваясь у полуострова Сьюард на берегу Берингова пролива. По Брукс-Рейндж проходит граница водораздела между крупными реками, несущими свои воды на север и восток, к Северному Ледовитому океану, и теми, что впадают в Берингово море к югу и западу от горной гряды.

Сейчас Дженнифер рассчитывала, что глубокие горные каньоны помогут ей оторваться от преследователей. Увидев, что «сессна» вырвалась из ущелья, пролетев на большой высоте над водопадом, она злобно ухмыльнулась. Пока наемники снова обнаружат их и пустятся в погоню, они уже будут далеко впереди.

Но остановит ли это преследователей?

«Сессна» виднелась маленькой точкой за хвостом самолета, рыская в небесах в поисках цели.

Дженни скорректировала курс, направив «оттер» в сторону широкой долины, простирающейся от подножия горного массива до цепочки холмов на горизонте. Это была долина Алатна. Через некоторое время они пролетели над рекой с тем же названием, которая пересекала долину с юга на север. Дженни продолжала вести самолет по прямой.

– Куда ты собралась? – встрепенувшись, спросил Мэтт. – Мы летим на запад, а я думал, ты хотела попасть в Прадхо-Бей.

– Именно так.

– Но тогда почему мы не повернули на север по руслу Алатны и над перевалом Антигун? – Он потыкал большим пальцем назад. – Это самый безопасный маршрут через горы.

– По нему мы от них не уйдем. Они нас все равно догонят, и нам негде будет скрыться – после перевала начинается сплошная тундра. Мы у них там будем как мишени в тире.

– Но...

Дженни остановила его рассерженным взглядом:

– Может быть, ты сам поведешь самолет?

Мэтт, поняв свою ошибку, примирительно поднял ладонь:

– Ну что ты, крошка. Командуешь парадом здесь только ты.

«Крошка?» Дженни крепче сжала штурвал, с трудом удержавшись от того, чтобы не вмазать ему локтем по зубам. Мэтт умел управлять самолетом. Она сама научила его летать, но до настоящего пилота ему было далеко – он не любил рисковать. Искусный летчик способен временами отдать себя во власть ветра, довериться возможностям своей машины и мощи воздушного потока. Мэтт, напротив, всегда боролся с самолетом и пытался контролировать все аспекты полета, как будто занимался объездкой лошади.

– Лучше займись чем-нибудь полезным и попробуй связаться с кем-нибудь по радио, – сказала она. – Нужно сообщить о том, что здесь происходит.

Мэтт кивнул, нацепил на голову наушники с микрофоном и включил канал спутниковой связи «САТКОМ», который обычно обеспечивал надежную связь в этих горах.

– Я слышу только помехи.

Дженни нахмурилась:

– Опять магнитные бури. Переключись на обычное радио. Одиннадцатый канал. Попытайся связаться с Бетелом. Сигналы то появляются, то исчезают – может быть, кто-нибудь нас услышит.

Мэтт несколько раз продиктовал в микрофон их координаты и курс полета. В эфире по-прежнему сохранялось молчание.

– Куда мы летим? – дрожащим голосом спросил Крейг, наблюдая через потрескавшееся боковое стекло за лугами и лесами, проплывающими под крылом самолета.

Дженни могла только предположить, какой страх переживает репортер – он уже один раз побывал в катастрофе на этой неделе.

– Ты раньше когда-нибудь бывал в этих местах? – спросила она.

Крейг отрицательно покачал головой.

– Для того чтобы избавиться от преследователей, мы должны где-то укрыться. Сейчас мы находимся на открытом пространстве и поэтому очень уязвимы.

Услышав краем уха их разговор, Мэтт встрепенулся и посмотрел на приборную доску. На лице его отразилось удивление и озабоченность:

– Ты что, всерьез собираешься...

Отец Дженнифер, тоже угадав ее намерения, произнес:

– Арригеч.

– Господи помилуй, – выдохнул Мэтт, туже затягивая ремень безопасности. – Надеюсь, на борту есть парашюты?

15 часов 17 минут

Полярная шапка

Аманда Рейнольдс парила надо льдом. Другими словами описать ее ощущения от полета над ледяной поверхностью было просто невозможно, хотя официально такой способ передвижения называется ездой на буере – парусных санях.

Полулежа в тесном, но удобном кресле из стеклопластика, она управляла движением саней с помощью двух ножных педалей и ручного рычага. Надутый ветром четырехметровый парус вздымался над ней, как голубая волна.

Сани неслись с головокружительной скоростью, оставляя глубокий след в залеженевшем снегу, но это не мешало Аманде время от времени окидывать взором расстилающуюся вокруг ледяную пустыню, которая своей безжизненностью и негостеприимностью могла поспорить с самой Сахарой. «И все-таки от этого унылого пейзажа веет какой-то божественной, неземной красотой», – думала она. Непрерывный ветер, пляски снежных вихрей, переливающийся едва уловимыми оттенками лед. Даже ледяные торосы с их зазубренными верхушками казались воплощением диких сил природы.

Аманда плавно обогнула один из таких торосов с мастерством, приобретенным за десять лет практики. Воспитанная в семье потомственных моряков и кораблестроителей, здесь она чувствовала себя как дома, хотя дом ее остался в далекой Калифорнии, в небольшом портовом городишке к югу от Сан-Франциско.

С помощью брата она своими руками собрала этот бueur длиной в пять с половиной метров из отборных еловых досок. Полозья саней были сделаны из титанового сплава. Однажды в гонках на канадском озере Оттачи Аманда установила на них рекорд скорости, разогнавшись почти до девяноста километров в час, но там длина зачетного отрезка была всего триста метров, и она была уверена: это не предел.

Она вглядывалась в бесконечные просторы ледяной пустыни и широко улыбалась.

«Ничего, когда-нибудь придет время...»

А пока она просто наслаждалась одиночеством вдаль от перенаселенной, душной станции. Сверху ярко светило солнце, однако воздух так и не прогрелся до плюсовой температуры. Ледяной ветер врывается в открытую кабину, но Аманда не чувствовала холода. Она была одета в облегающий термальный гидрокостюм, предназначенный для подводного плавания в водах Арктики. Лицо ее покрывала полипропиленовая маска с солнцезащитными линзами в прорезях для глаз. Мороз ощущался только при дыхании, хотя и от этого напоминания о суровом арктическом климате можно было избавиться, используя встроенный в гидрокостюм нагреватель вдыхаемого воздуха.

Аманда наслаждалась каждой секундой своего путешествия. Здесь она могла забыть о своей глухоте. Ей незачем было вслушиваться в вой ветра или свист скользящих по льду полозьев: она чувствовала, как вибрирует деревянный корпус саней, как давит на тело встречный ветер, видела, как вокруг вихрится снег, и в душе у нее звучала песня, которую природа пела только для нее.

В такие редкие моменты Аманда почти забывала об автомобильной аварии. Пьяный водитель... перелом основания черепа... и весь мир утонул в тишине. С того злополучного дня она постоянно боролась с жалостью к себе, с жалостью, которую ощущала сама и которую проявляли к ней другие. Но борьба эта давалась ей нелегко. Прошло десять лет, и она начала терять способность отчетливо выговаривать слова. Иногда, увидев замешательство в глазах собеседников, она заставляла себя повторять уже сказанное или объясняться жестами. В отчаянии от своей беспомощности, она направляла всю энергию на учебу и научные исследо-

вания, хотя и понимала, что тем самым все больше отчуждается от окружающих. Но где грань между отчуждением и независимостью?

После смерти матери отец окружил ее пристальным вниманием и заботой: он буквально не отпускал ее ни на шаг. Аманда подозревала, что он просто боится ее потерять. Такое ревностное проявление родительских чувств вскоре стало для нее невыносимым, и она вступила в яростную борьбу за независимость, которая была обусловлена больше желанием убедить отца в том, что она может спокойно обходиться без его опеки, нежели стремлением доказать всем, что потерявшая слух женщина способна нормально существовать в этом мире.

А потом в ее жизни появился Грег... Капитан Перри... Его улыбка, отсутствие навязчивой жалости, неуклюжие попытки флирта сломали воздвигнутую ею стену отчуждения, и постепенно их взаимное влечение переросло в более глубокие чувства, хотя она до сих пор не знала, как к этому относиться. Ее мать была женой военно-морского офицера, и ее жизнь была наполнена вечеринками, официальными церемониями, светскими раутами с женами других офицеров. Об изоляции от внешнего мира и независимости там не было и речи. Но хотела ли Аманда такой жизни для себя?

Она тряхнула головой, на время избавляясь от навязчивых мыслей. Еще слишком рано принимать какие-либо решения, подумала она. Кто знает, к чему все это может привести?

Нахмурившись, Аманда поработала педалями, направляя буер к заброшенной русской станции – конечной точке своего путешествия. Сегодня утром доктор Генри Огден, возглавляющий команду биологов, сообщил ей по радио об очередной находке, которая уже привела к перепалке с группой геологов.

Как руководителю станции «Омега», Аманде часто приходилось утрясать конфликты между исследователями, представляющими интересы различных наук. Временами ей казалось, что она пытается примирить избалованных детей. И хотя сегодня она могла легко отказаться от этого занятия, сославшись на загруженность, Аманда решила использовать возможность вырваться из душной атмосферы станции хотя бы на день.

Она отправилась в путь сразу после обеда.

Впереди, на острых вершинах гряды огромных ледяных торосов, простирающейся на десятки миль, показались красные флажки. Они трепетали на ветру, указывая местоположение входа в русскую базу, хотя особой надобности в них уже не было: рядом с входом, под надежным укрытием ледяной стены, стояли четыре снегохода и два тягача, выкрашенные в красный цвет. За ними виднелась полынья, сделанная во льду для всплытия и погружения «Полар сентинел».

С необъяснимым беспокойством Аманда смотрела на глубокий ледяной тоннель, ведущий в глубь айсберга, ко входу в заброшенную базу. Из черной дыры, как из пасти спящего дракона, поднимались клубы пара. Новые обитатели базы на прошлой неделе привели в действие все пятьдесят два законсервированных электрогенератора. Все осветительные приборы и нагреватели на станции, к всеобщему удивлению, по-прежнему находились в прекрасном состоянии. По сообщениям ученых, работающих на станции, они чувствовали себя как на средиземноморском курорте.

Но Аманда хорошо помнила свои первые шаги в этой могиле под толстым слоем льда. С помощью металлоискателей и переносных гидролокаторов они определили местоположение главного входа в базу и использовали термальные заряды и взрывчатку, чтобы пробить тоннель к стальным дверям, надежно запечатанным льдом и промерзшим запором. Проникнуть внутрь базы им удалось только после того, как они вырезали ацетиленовой горелкой дыру в стальной плите.

Сейчас Аманду мучили сомнения в правильности их выбора. Она опустила парус и стала притормаживать, приближаясь к ледяной стене. В небольшом закутке между двумя торосами они устроили временный морг – несколько оранжевых палаток, в которых хранились трупы,

обнаруженные на станции. Ее отец сообщил, что на следующей неделе ожидается прибытие русской делегации, посланной забрать тела погибших соотечественников.

Однако никто по-прежнему не упоминал о других открытиях, сделанных на погребенной подо льдом базе.

Умело манипулируя педалями, Аманда припарковалась у входа в тоннель. Ее никто не встречал.

Она окинула взглядом покрытые глубокими тенями торосы. За ними расстился огромный лабиринт из ледяных мостов, выступов, трещин и остроконечных ледяных глыб. В памяти вновь всплыло размытое пятно на экране гидролокатора. Может быть, это действительно был какой-то сбой в работе прибора? Мысль о том, что это мог быть какой-нибудь хищник вроде белого медведя, заставила ее содрогнуться.

Аманда быстро собрала парус и молотком забила якорь в лед. Убедившись, что буер надежно закреплен, она захватила сумку с вещами и направилась к виднеющемуся невдалеке тоннелю.

Вход в тоннель выглядел как привычная для полярного региона ледяная пещера. Его расширили со времени ее последнего посещения до размеров, позволяющих проехать «внедорожнику». Аманда переступила через порог и стала спускаться по вырезанным во льду ступеням к стальной двери, которая криво висела на искореженных петлях. Клубы тумана здесь были плотнее, напоминая о близости к теплому помещению. Над дверью виднелась табличка, о которой упоминал капитан Перри, – ее, очевидно, обнаружили, когда расширяли тоннель.

Она внимательно всмотрелась в название станции, выбитое кириллицей на поверхности металлической пластины:

ЛЕДОВАЯ СТАНЦИЯ «ГРЕНДЕЛЬ»

Почему русские дали ей такое странное имя? Аманда обладала достаточными познаниями в литературе и сразу предположила, что речь шла о мифическом чудовище из легенды о Беовульфе, но при чем здесь полярная станция в глубинах Арктики?

Покачав головой, она протиснулась внутрь базы через узкое отверстие в двери, задев плечом за неровный край дыры и вызвав падение целого каскада сосулек.

Молодой ученый обернулся к ней из глубины широкого коридора. Он сидел на корточках у открытого электрического щитка. Аманда узнала Ли Бентли – эксперта по материаловедению из НАСА. На нем были только футболка и джинсы.

«Неужели здесь действительно так жарко?»

Заметив ее, ученый вскинул руки вверх, имитируя глубокий испуг.

– Не стреляйте!

Аманда на секунду замешкалась от удивления, но потом поняла, как выглядит со стороны в своей полипропиленовой маске, и, сорвав ее с головы, заткнула за пояс.

– Добро пожаловать в ледяную сауну «Грендель», – с усмешкой приветствовал ее Ли, поднимаясь на ноги.

Он был невысокого роста, чуть выше ста пятидесяти сантиметров. Однажды он поделился с ней историей о том, как мечтал стать астронавтом, но не прошел по росту – не хватило всего лишь пяти сантиметров – и вместо этого получил назначение в лабораторию материаловедения при НАСА. На «Омеге» он занимался тестированием новых сплавов в экстремальных климатических условиях Арктики.

Аманда подошла к нему, стягивая с головы капюшон гидрокостюма:

– Здесь невероятно жарко.

Ли показал на кучку инструментов, разбросанных на железной решетке пола:

– Я как раз над этим работаю. Весь персонал жалуется на жару. Мы привезли с собой несколько нагнетателей воздуха, чтобы улучшить циркуляцию, но, посоветовавшись, решили, что лучше побыстрее исправить проблему с термостатом, пока станция не расплавилась и не провалилась в глубь айсберга.

– А такая опасность существует? – спросила Аманда с расширенными от испуга глазами. Он снова усмехнулся и постучал по стальной стене:

– Да нет. За этими стенами примерно метровый слой изоляционных материалов. Даже если мы превратим станцию в большую печку, это почти не отразится на состоянии льда. – Ли с восхищением обвел взглядом массивные стальные плиты. – Те, кто задумывал и строил эту базу, знали толк в материаловедении. Изоляционная оболочка представляет собой комбинацию чередующихся слоев пропитанного асбестом цемента и пористого камня. Каркас станции сделан из стали, алюминия и керамических сплавов – легковесный, надежный и на десятилетия опередивший все последние открытия в этой области. Я бы сказал...

Аманда резко оборвала его. Вот за что она ненавидела своих коллег по науке, так это за их способность часами болтать на темы, в которых они являлись экспертами. Ей трудно было распознавать по губам сложные технические термины, которыми они бросались направо и налево.

– Ли, я спешу на встречу с доктором Огденом. Ты, случайно, не знаешь, где он?

– Генри? – Он почесал затылок отверткой. – Точно сказать не могу, но я бы попробовал поискать его в «подсобке». Он сегодня утром разругался с геологами. Вот крику то было!

Аманда кивнула и, обойдя эксперта НАСА, направилась в глубь станции. Русская база состояла из пяти имеющих форму окружности уровней, соединенных узкой винтовой лестницей, проходящей по центру конструкции. Все уровни были примерно похожи друг на друга тем, что комнаты выходили в центральный холл, но каждый из уровней был меньше в диаметре, чем предыдущий. В целом структура выглядела как врезанный в лед гигантский волчок.

Самым широким был верхний уровень, диаметром примерно в пятьдесят метров, на котором располагались жилые и рабочие помещения: казарма, кухня, несколько офисов. Аманда вошла по коридору в центральное помещение этого уровня, которое в прошлом служило столовой и местом отдыха персонала, судя по груде столов и стульев, разбросанных по просторному залу.

Она поприветствовала двоих ученых, сидящих за одним из уцелевших столиков, и стала спускаться вниз по лестнице, выстроенной вокруг открытой лифтовой шахты диаметром в три метра. Покрытые машинным маслом толстые тросы подъемника уходили в глубь шахты. Подъемник чем-то напоминал звериную клетку с толстыми железными прутьями.

Железные ступени лестницы вибрировали под ее ногами в унисон с урчанием генераторов и гулом машин, доносящимся откуда-то с нижних уровней. Казалось, станция снова ожила после долгой зимней спячки.

Аманда быстро спускалась по лестнице, не останавливаясь на втором и третьем уровнях, где размещались небольшие лаборатории и слесарная мастерская.

На самом нижнем уровне располагался док для швартовки и ремонта подводной лодки. Этот уровень был наполовину затоплен и покрыт слоем льда, под которым отчетливо виднелись очертания боевой рубки русской субмарины.

Аманда же направлялась на четвертый уровень, который был совершенно не похож на остальные. Лестница здесь выходила не в просторный центральный зал, а в небольшой вестибюль с длинным коридором, упирающимся в стену в конце уровня. На одной из боковых стен была дверь, ведущая во внутренние помещения, которую охраняли два вооруженных винтовками моряка с «Полар сентинел». Этот уровень был объявлен «запретной зоной» для персонала станции.

– Доктор Рейнольдс, – поприветствовал ее кивком головы корабельный старшина.

Его напарник, рядовой матрос, всюду поедая глазами ее стройную фигуру, облаченную в обтягивающий гидрокостюм.

– Вы видели доктора Огдена? – обратилась она к старшине.

– Да, мадам. Он предупредил о вашем появлении и попросил никого в «подсобку» не пускать, пока не встретится с вами.

Часовой показал рукой на двойные двери в конце коридора.

За дверями скрывался вход в лабиринт природных пещер и искусственных тоннелей, ведущих в глубины самого айсберга. Ученые со станции прозвали его «подсобкой».

Лабиринт был настоящим раем для геологов и специалистов, занимающихся изучением структуры и особенностей льда. Они готовы были часами ковыряться во льду, собирая пробы, измеряя температуру и проводя еще кучу всяких тестов. Их энтузиазм был легко объясним – как часто кому-то удается побывать внутри айсберга, да еще и вести там исследования? Совсем недавно они обнаружили в «подсобке» вмерзшие в лед каменные глыбы и фрагменты земляного слоя, и вся команда геологов немедленно перебралась с «Омеги» на русскую базу.

Из-за чего же возник конфликт с биологами? Об этом она могла узнать, только поговорив с Огденом.

Аманда направилась ко входу в «подсобку». Ей не терпелось побыстрее покинуть этот злосчастный уровень. Знание его секретов тяжелым грузом давило ей на плечи и даже сейчас заставляло избегать прямого взгляда в глаза часовых. Всего несколько человек знали о том, что скрывается за тщательно охраняемой дверью, но слухов и предположений среди персонала станции было предостаточно: инопланетные космические корабли, новейшие ядерные технологии, эксперименты с химическим оружием. Кто-то подошел совсем близко к истине, утверждая, что там нашли еще больше трупов.

Но правда была намного страшнее любого, даже самого невероятного предположения.

Аманда была уже рядом со входом, когда двойные двери открылись и в коридор ввалилась фигура, облаченная в желтую парку. Вместе с ней в помещение ворвалось холодное дыхание ледяной горы.

Генри Огден, пятидесятилетний профессор биологии из Гарварда, стряхнул с головы меховой капюшон и с удивлением уставился на Аманду:

– Доктор Рейнольдс!

– Генри, – кивнула она.

– О господи... – Он стянул зубами перчатку, посмотрел на часы и провел рукой по лысой макушке. Из волосяного покрова на его голове оставались лишь густые брови, тонкие коричневые усики да крошечная старомодная бородка, которую он задумчиво поглаживал при разговоре с Амандой. – Извините, я думал, что вы будете ждать меня наверху.

– Рассказывайте, что произошло?

Огден быстро оглянулся на вход в «подсобку».

– Я... я наткнулся на что-то... на что-то совершенно невероятное. Вы должны... – бормотал он, отвернувшись от Аманды, которая уже не могла читать по его губам.

– Доктор Огден? – позвала она.

Он в недоумении обернулся. Аманда прикоснулась пальцами к губам.

– Ой, простите.

Он стал говорить медленно, четко выговаривая каждое слово, как будто вел беседу с умственно отсталым человеком. Аманда с трудом сдержала порыв гнева.

– Вы должны увидеть это собственными глазами, – продолжил Огден. – Поэтому-то я вас и вызвал. – Он какое-то время разглядывал часовых, маячащих в глубине коридора. – Я боялся, что охранники не смогут надолго удержать этих проклятых геологов. Обнаруженные экземпляры... – Его голос становился все более рассеянным. Он встряхнул головой: – Давайте найдем вам теплую куртку, и я отведу вас.

– Мне достаточно этого, – с нетерпением ответила она, проведя рукой по гидрокостюму. – Показывайте, что вы там нашли.

Биолог продолжал наблюдать за часовыми, нахмутив брови. «Он тоже теряется в догадках по поводу секретов, скрытых за этой дверью», – подумала Аманда.

– Я нашел... По-моему, я нашел то, из-за чего эта станция была построена, – сказал Огден, повернувшись к ней.

Аманда замерла:

– Что? Что вы имеете в виду?

– Пойдемте, я вам покажу.

Он повернулся и вошел в «подсобку». Прежде чем последовать за ним, Аманда еще раз взглянула на охраняемую дверь. «То, из-за чего эта станция была построена».

В душе она надеялась, что профессор ошибается.

15 часов 40 минут

В полете над Брукс-Рейндж

Мэтт с восхищением взирал из кабины «оттера» на красоты одного из природных чудес света. Тысячи туристов, альпинистов и просто искателей приключений каждый год стекались в эту часть национального парка «Врата Арктики» со всего мира.

Впереди возвышались вершины Арригеча. На языке нунамиутов это имя означает «смотрящие вверх растопыренные пальцы». Название как нельзя лучше описывает это царство остроконечных гранитных шпилей, отвесных скал, глубоких ущелий, обширных ледников, сочных альпийских лугов и прозрачных горных озер. Такой ландшафт был идеален как для профессиональных альпинистов, так и для любителей горного туризма.

Однако лететь через Арригеч на самолете было полным безумием, и не столько из-за нагромождения скал, сколько из-за предательских ветров. Здесь воздушные потоки срываются с гор в ущелья, как весенний паводок в русло горной реки, и бросаются в безудержный танец, каждую секунду меняя направление.

– Всем приготовиться, – предупредила Дженни.

Самолет набирал высоту, приближаясь к опасным скалам. Со всех сторон на них смотрели отвесные стены горных вершин, покрытые сверкающим на солнце снегом и льдом, а прямо по курсу высился сам Арригеч. Казалось, пролететь через этот горный лабиринт просто невозможно.

Мэтт обернулся. «Сессна» назойливо маячила примерно в четверти мили позади. Осмелится ли наемники последовать за ними в это каменное царство?

Внизу по голому отвесному склону бежал горный поток. Еловый лес постепенно редел, а потом и совсем исчез – они поднялись выше границы древесной растительности.

Мэтт повернулся к Дженни с намерением в последний раз попытаться отговорить ее от этого безумия, но, увидев непоколебимую решимость на ее лице, понял, что разговаривать с ней бесполезно.

Отец Дженнифер пристегнул ошейник Бейна ремнем безопасности к одному из сидений и сказал:

– Мы готовы.

Крейг выпрямился на своем кресле и уставился перед собой в одну точку. Лицо его при виде Арригеча заметно побелело. Возможно, с земли открывающийся перед ними пейзаж казался не столь впечатляющим, но с высоты их полета он наводил настоящий ужас.

«Оттер» стремительно пронесся над неприступными склонами и влетел в каменный лабиринт.

– Ну вот и началось, – промолвила Дженни.

– А вот и они, – как эхо откликнулся Мэтт.

Треск пулеметной очереди разорвал монотонное гудение двигателей самолета. По склону в стороне пробежали фонтанчики пулевых разрывов – преследователи были слишком далеко, чтобы стрелять прицельно. Они выпустили очередь от безысходности, понимая, что их добыча ускользает.

Мэтт внимательно наблюдал за «сессной». Из бокового окна самолета неожиданно вырвалось облачко дыма. Мэтт проследил за шлейфом стремительно приближающейся ракеты и с облегчением перевел дух, когда она просвистела всего в двух метрах от кончика крыла «оттера» и разорвалась на одной из гранитных вершин впереди. По склону посыпался град камней.

Дженни резко отвернула от поврежденной скалы и, поставив самолет на крыло, проскользнула между двух каменных шпилей. Перед глазами Мэтта промелькнуло дно глубокого ущелья.

– О господи, о господи, – монотонно повторял Крейг за его спиной.

Дженнифер выровняла «оттер» и, крепко сжимая штурвал, искусно маневрировала в замысловатом лабиринте гранитных стен, башен, колонн, отвесных скал и острых пиков. Порывы ветра бросали легкий самолетик из стороны в сторону.

Мэтт вжался в сиденье, крепко ухватившись за подлокотники. Глаза его расширились от страха, когда Дженни резко ввела самолет в очередной крутой вираж. Он попытался их закрыть, но не смог и в душе пожалел о том, что не сидит сейчас где-нибудь в глубине кабины.

«Оттер» промчался между отвесной стеной и покосившейся каменной колонной. Дженни принялась напевать себе под нос какую-то мелодию – она делала это каждый раз, когда с головой погружалась в какое-нибудь занятие, правда, чаще всего это было разгадывание кроссвордов из «Нью-Йорк таймс».

Самолет обогнул очередную горную вершину и на секунду выровнялся, но Дженни тут же предупредила:

– Держитесь крепче!

Мэтт возмущенно уставился на нее – у него и так уже руки затекли от крепкой хватки за сиденье, а ей все еще мало!

В следующие пять минут самолет выписывал головокружительные кренделя в воздухе – вверх, вниз, вираж на левом крыле... вниз, вверх, вираж на правом крыле...

Несмотря на подкатывающую к горлу тошноту, Мэтт тщетно пытался разглядеть самолет преследователей на фоне мелькающих скал. «Сессна» пропала из виду, как только они влетели в «каменные джунгли» Арригеча. Здесь были тысячи входов и выходов – перевалов, коридоров, тоннелей, ущелий, ледников: чтобы не упустить добычу, наемники должны были держаться где-то поблизости, стараясь не потерять их из виду под покрывающими вершины облаками.

«Оттер» влетел в огромную чашу ледника, похожую на созданный природой амфитеатр. Дженни направила самолет по кругу, вдоль отвесной стены громадной ледовой арены. Кромку кратера венчал ледовый карниз, а на дне его виднелись гранитные валуны, ледниковые наносы и россыпи камней, оставшиеся после схода ледника. В центре чаши покоилось небольшое горное озеро, в зеркальной поверхности которого отражался их маленький самолетик. Стены кратера были слишком отвесными, чтобы «оттер» мог перевалить через них, следуя прямым курсом, поэтому Дженнифер вела самолет по спирали, плавно набирая высоту.

Мэтт с облегчением перевел дыхание – они выбрались из каменных лабиринтов Арригеча и остались в живых.

Внезапное появление еще одного силуэта в зеркале озера привлекло его внимание.

Другой самолет.

«Сессна» стремительно ворвалась в чашу кратера с противоположной стороны. Казалось, самолет преследователей на мгновение потерял управление, резко качнув крыльями. Мэтт понял, что наемники не ожидали увидеть здесь свою добычу.

– Джен? – сказал Мэтт, вопросительно посмотрев на свою бывшую жену.

– Мы еще слишком низко, чтобы перевалить через скалы.

В голосе ее впервые за весь полет чувствовался страх.

Оба самолета кружили вдоль стен кратера, медленно набирая высоту. В прозрачных водах горного озера отражался разыгрывавшийся в воздухе спектакль театра двух актеров. Дверь в кабине «сессны» приоткрылась, и из нее показалась уже знакомая Мэттью фигура в парке с гранатометом на плече.

«Надо что-то делать, иначе мы не выберемся отсюда живыми», – подумал Мэтт и, повернувшись к Дженнифер, прокричал:

– Давай обратно в Арригеч!

– Мы не успеем!

– Делай, как я говорю!

Мэтт отстегнул ремень безопасности, вылез из кресла и пробрался к боковому окну, из которого виднелся самолет наемников.

Дженни заложила крутой вираж и направила самолет в сторону каменного лабиринта.

Мэтт тем временем открыл боковое окно. В кабину ворвался ледяной ветер. Бейн радостно залаял и завилял хвостом – он обожал летать.

– Что ты задумал? – спросила Дженни.

– Занимайся своим делом, – рявкнул Мэтт и разбил стекло ящика с аварийным инструментом, который висел на стене у двери кабины.

Он искал какое-нибудь оружие, а до дробовика в глубине кабины добираться было поздно. Мэтт выхватил из ящика ракетницу и высунул ее в окно. Он быстро прикинул расстояние до «сессны», кое-как прицелился и нажал на спуск. Рассчитывать на прямое попадание было нереально. Он просто надеялся напугать противника.

Шлейф сигнальной ракеты прочертил извилистую дугу в воздухе. Ракета взорвалась чуть выше и в стороне от носа «сессны», но этого было достаточно, чтобы заставить пилота, нервы которого были на пределе после воздушного слалома в узких коридорах Арригеча, резко накрестить самолет. Гранатометчик потерял опору и соскользнул с крыла, беспомощно хватая руками воздух. Он повис в двух метрах под брюхом «сессны», болтаясь взад и вперед на страховочном тросе.

Добившись своей цели, Мэтт захлопнул окно и, возвращаясь в кресло, прокричал:

– Давай, Дженни!

Старый эскимос одобительно похлопал Мэтта по плечу:

– Отличный выстрел.

Мэтт кивнул в сторону Крейга:

– Вот его нужно благодарить. Это он мне поддал идею.

В спешке пытаясь найти выход из ситуации, Мэтт вспомнил, как два дня назад репортер навел на него ракетницу. «Используй все, что под рукой, и никогда не сдавайся», – промелькнули в голове слова его бывшего сержанта.

Почувствовав облегчение, Мэтт пристегнулся к сиденью второго пилота. Дженни в это время уже пикировала в сторону Арригеча.

– Они по-прежнему у нас на хвосте, – сказала она.

Мэтт резко обернулся и увидел, как тело наемника медленно падает в озеро. «Кто-то на борту обрезал веревку», – догадался он. Его передернуло от мысли о том, что преследователи спокойно пожертвовали одним из своих, чтобы продолжать погоню.

Дженни безуспешно пыталась уйти от них, бросая «оттер» в крутые виражи. Мэтт заметил, что она устала. Руки ее дрожали, а решимость в глазах сменилась отчаянием и безысходностью. «Малейшая ошибка – и нам крышка», – подумал он. Так и случилось.

Дженни ввела самолет в крутой вираж вокруг гранитной колонны. За скалой внезапно открылась сплошная стена. Лететь вперед было некуда, а отвернуть уже не было времени. Мэтт сжался в комок в кресле, ожидая, что Дженни хотя бы попробует это сделать, но она лишь прибавила обороты.

У Мэтта перехватило дыхание, когда он вдруг осознал, где они находятся и что она собирается сделать.

– Нет, нет, нет...

– Да! – ответила она, бросив самолет в вертикальное пике.

На мгновение Мэтту показалось, что «оттер» падает штопором на дно ущелья.

Внизу из гранитной стены вытекала небольшая речка. Когда-то давно здесь, в Арригече, произошло сильное землетрясение. Две скалы обрушились друг на друга, образовав Путь Дьявола – узкий тоннель, через который Дженни собиралась вырваться из каменного лабиринта.

Самолет круто спикировал к подножию скалы, но Дженнифер в последний момент резко рванула штурвал на себя и снизила до минимума обороты двигателей. «Оттер» на секунду завис в воздухе и выровнялся в каких-то сантиметрах от поверхности реки.

Через мгновение они ворвались в узкое пространство тоннеля. Мир вокруг погрузился в темноту, но впереди, метрах в сорока, светилось отверстие выхода. Гул моторов оглушительным эхом раздавался в прямом, как труба, тоннеле – самолет почти касался крыльями каменных стен.

Дженни снова что-то напевала себе под нос.

– Они все еще у нас на хвосте! – прокричал из глубины кабины Крейг.

Мэтт обернулся и увидел, как «сессна» скользнула в узкое горло тоннеля. Преследователи не собирались прекращать погоню.

Мэтт сжал кулаки. Их отчаянная попытка оторваться от наемников ни к чему не привела – пилот «сессны» был настоящим профессионалом и знал Арригеч не хуже, чем Дженни. За тоннелем открывались предгорья, в которых скрыться от преследователей было невозможно.

– Держитесь крепче, ребята, – предупредила Дженни.

Выход из каменной трубы виднелся уже совсем близко. Она толкнула штурвал от себя. Самолет резко нырнул вниз. Поплавки тяжело ударились о поверхность реки и заскользили по воде, оставляя за собой плотную струю брызг. Через мгновение самолет, подпрыгнув на воде, как мячик, выскочил из тоннеля, лег на крыло и стал набирать высоту.

Мэтт продолжал смотреть назад. Внезапно фюзеляж «сессны» с поломанными крыльями выкатился из черной дыры и закувыркался по склону. Один из пропеллеров со скрежетом отлетел в сторону и заскользил по льду.

Мэтт повернулся и с восхищением посмотрел на свою бывшую жену. До него наконец дошла суть ее задумки. Струя воды из-под поплавков «оттера» ударила по преследовавшему их самолету, заставив его покачнуться и задеть крыльями стенки тоннеля.

Смертельная ошибка.

– Ненавижу, когда кто-то дышит мне в затылок, – сказала Дженни дрожащим от волнения голосом.

16 часов 55 минут

Полярная станция «Грендель»

Войдя в «подсобку», Аманда сразу почувствовала, что оказалась в совершенно другом мире. В лабиринте из ледяных пещер и тоннелей, созданном самой природой, было холодно, темно и до ужаса одиноко.

У самого входа виднелись груды покрытой ржавчиной листовой стали, мешки с бетоном, мотки электрического кабеля и штабеля труб для прокладки проводов. Когда ученые впер-

вые натолкнулись на «подсобку», они решили, что русские использовали это пространство как складскую пристройку к станции. Отсюда и пошло его название.

Инженер-строитель из НАСА предположил, что сама станция была построена на месте обширной сети ледяных пещер внутри айсберга, что потребовало значительно меньше затрат и усилий, а «подсобка» являлась лишь малой частью этой сети, оставшейся нетронутой в ходе строительства.

Для многих ученых с «Омеги» ледяной лабиринт был не больше чем кладовкой. Зато для геологов он стал настоящим кладом научных открытий.

– Сюда, – сказал доктор Огден, застегнув молнию на куртке до самого подбородка и накинув на голову меховой капюшон.

Биолог взял небольшой фонарик с ящика у двери, включил его и направил луч в глубь пещеры. Он постоял немного, как будто не решаясь идти дальше. Стоящая за его спиной Аманда подумала сначала, что он ей что-то объясняет, но, прежде чем она успела переспросить его, профессор тронулся в сторону тоннелей.

Аманда последовала за ним, в душе благодаря геологов за то, что те посыпали ледяной пол песком. Чем дальше они отходили от входа, тем холоднее становился неподвижный воздух. Она надела на лицо термальную маску и включила подогрев.

Биолог шел впереди, проходя мимо ниш в стенах тоннеля. Некоторые из них были пусты, другие – заполнены оборудованием и различными припасами, в том числе и скоропортящимися продуктами с маркировкой на русском языке. «Чем не натуральный холодильник?» – подумала Аманда.

На глаза все чаще стали попадаться следы деятельности ученых с «Омеги» – отверстия, просверленные в ледяных стенах, вешки с флажками, современное оборудование и инструменты и даже пустая коробка из-под обеда быстрого приготовления. Аманда пнула ее ногой в сторону. «Да, похоже, новые обитатели ледовой станции “Грендель” уже успели “пометить” свою территорию».

Вскоре Аманда совсем запуталась в многочисленных коридорах и ответвлениях ледяного лабиринта. Доктор Огден остановился у одного из перекрестков и осветил стену фонариком.

Аманда заметила небольшие значки разных цветов и форм, напыленные краской на льду, – красные стрелки, синие закорючки, оранжевые треугольники. Они, несомненно, служили указателями, оставленными учеными.

Огден провел рукой по зеленой точке, кивнул сам себе и продолжил путь в выбранном направлении.

К этому времени тоннели значительно уменьшились в размерах. Аманде пришлось согнуться, чтобы следовать за решительно шагающим впереди биологом. Кристаллы льда ярко сверкали вокруг в свете фонарика. Стены здесь были настолько прозрачные, что Аманда могла различить воздушные пузырьки в толще льда, переливавшиеся на свету, как жемчужины.

Она провела рукой в перчатке по одной из стен. Идеально гладкая. Такие тоннели и пещеры обычно образуются во время летнего таяния льда на поверхности, когда теплая вода просачивается через трещины и разломы в глубь айсберга. С новым похолоданием поверхность замерзает, и вся вновь образованная система ледяных лабиринтов надежно сохраняется до следующего потепления.

Аманда замороженно смотрела на голубоватые стены из кристально чистого льда. От этой холодной красоты, как ни странно, веяло чем-то теплым. Увлечшись живописной картиной, она поскользнулась, упала и едва не покатила кубарем по коридору, но в последний момент успела ухватиться за выступ в стене.

Доктор Огден обернулся и произнес:

– Осторожно. Здесь начинается скользкая дорога.

«Мог бы и раньше предупредить», – подумала она, рывком поднимаясь на ноги. Профессор снова двинулся в глубь тоннеля, а Аманда на секунду задержалась у выступа, за который ухватилась. Присмотревшись, она с удивлением обнаружила, что это каменный обломок, вмёрзший в лед, или, как называли его геологи, – «вкрапление». Она погладила его с благоговением. Подумать только – перед ней был кусочек древней почвы возрастом в десятки тысяч лет!

Биолог повернул за угол, и в тоннеле воцарился мрак. Аманда поспешила за профессором, ругая себя за то, что не захватила фонарик. Теперь она внимательно смотрела себе под ноги, осторожно ступая по скользкому льду. «Похоже, геологи сюда еще не добрались».

Коридор постепенно расширялся. В прозрачных стенах виднелись каменные валуны, а еще глубже во льду – какие-то едва различимые формы. Аманда догадалась, что они, вероятно, достигли большого скопления почвенных вкраплений. «Скованная льдом лавина», – промелькнуло у нее в голове.

За углом тоннель внезапно обрывался у входа в обширную пещеру. Аманда снова поскользнулась и въехала в пещеру на спине, притормаживая широко раскинутыми руками. Она встала на ноги и долго осматривалась, не веря своим глазам. Ледяной пол был размером со спортивный каток, а вся пещера напоминала величественный собор из льда и камня, созданный самой природой.

Она стояла в окружении ледяных стен, но противоположная половина огромного зала представляла собой массивную каменную чашу.

Аманда вздрогнула от неожиданности, почувствовав прикосновение к локтю. Доктор Огден пытался привлечь ее внимание.

– Это обломок древней скалы. Во всяком случае, так думает Макферран, – прочитала она по губам профессора. Макферран был руководителем команды геологов. – Он утверждает, что эта скала откололась от горного массива при сходе ледника, образовавшего этот ледяной остров. Он хотел немедленно отщепить подрывными зарядами несколько кусков, чтобы тщательно изучить их в лаборатории, но я не позволил ему это сделать.

Аманда все еще не отделалась от первоначального шока и молчала.

– Сначала я обнаружил вкрапления мертвого лишайника и замерзший мох, но во время более тщательного исследования наткнулся на три птичьих гнезда, в одном из которых были яйца! – От волнения он заговорил быстрее, и Аманде пришлось более внимательно следить за его губами. – Кроме того, я нашел стаю грызунов и змею, вмёрзших в лед. Это настоящая сокровищница жизненных форм из того далекого периода – целая биосфера, застывшая во льду. – Огден направился к каменной стене. – Но это еще не все! Посмотрите сюда!

Аманда последовала за профессором, оглядывая скалу. Стена ее была не такой гладкой, как казалось издали. Она была испещрена небольшими углублениями и нишами. Местами от нее отвалились крупные куски, и в глубь скалы уходили узкие трещины.

Аманда вошла под каменный свод и с опаской посмотрела вверх. Нависающая над головой скалистая арка уже не казалась ей такой безопасной, как несколько минут назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.